

★ А Л Е К С Е Й ★

★ ТАДЖИКИСТАН ★

★ КРЫСА ★
★ ★ ★ ★

БЕССОНОВ

★ К О Н Ц Е П Ц И Я
★ Л Ж И ★

Алексей Игоревич Бессонов
Концепция лжи
Серия «Извне», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134241

Аннотация

В поясе астероидов разбивается «Галилео», последний исследовательский корабль, снаряженный Землей. Отныне все космические программы человечества свернуты. Энергетический кризис ставит землян перед выбором: заключить кабальный договор с Триумvirатом Старших рас, лишив следующие поколения надежды на нормальную жизнь, или уже сейчас погрузиться в «пещерное» существование и бросить остатки сил и средств в Космос в надежде на его богатства. Может быть, существует и третий путь, но пока о нем знает, а точнее, догадывается, лишь один человек – капитан Макрицкий, чудом выживший после катастрофы пилот «Галилео». Но сначала ему нужно вспомнить все, что произошло с ним там, на безымянной планетке, в двух шагах от смерти...

Содержание

Часть первая.	4
Глава 1.	4
Глава 2.	17
Глава 3.	36
Глава 4.	66
Глава 5.	76
Глава 6.	100
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Алексей Бессонов

Концепция лжи

Часть первая.

Глава 1.

Вода была холодной да еще и отдавала чем-то нехорошим, подозрительно напоминающим мочеви́ну. Леон с отвращением выключил душ, повернулся в теплых струях термopолотенца и поймал себя на мысли о том, что любые замечания в адрес Мура неминуемо перерастут в очередную свару: инженер жизнеобеспечения отличался невыносимым характером. К тому же, грустно сказал себе Леон, почти год в железном ящике испортит характер кому угодно...

Он выбрался из кабинки, накинул халат и поглядел на табло хронометра, висевшее на стене его крохотной каюты. До заступления на вахту оставалось несколько минут. Люси не станет шипеть, если я опоздаю, подумал Леон. Тем более, что она должна мне больше часа.

Леон выкурил сигарету, еще раз поглядел на часы, и быстро впрыгнул в комбинезон. Под потолком мерзко завывал разболтанным подшипником вентилятор противо-

дымной системы. Леон поправил на своей груди табличку «Makritski», вечно норовящую съехать набок, и со вздохом вышел из каюты. Ему всегда не везло с мундиром: трезубец на берете отваливался за минуту до построения, погоны то и дело отрывались, а однажды, перед самым началом торжественного молебна в Андреевском, он обнаружил, что потерял второе кольцо, крепившее саблю к поясу.

«Бедовый ты у меня хлопче, ох и бедовый,» – говаривал Леону дед. На самом деле Макрицкий-младший был тихоней, а все те синяки и шишки, которыми его щедро украшала доля, происходили в основном из-за застенчивой неловкости, коей он мучился аж до старших курсов Академии. Даже став офицером, Леон долго еще спотыкался на ровном месте; впрочем, именно благодаря скромности и неправдоподобной порядочности он попал сперва в славную Первую дивизию космических сил, а потом – и в астрокорпус ООН...

Сейчас, разглядывая серую от пыли облицовку межпалубного лифта, он с огорчением думал о том, что престижнейшая служба обернулась на самом деле невероятной нудотой, способной свести с ума даже закаленного человека. Год, Боже ж мой, почти год его болтало на борту этого идиотского «Галилео»! Почти год исследовательский корабль бродил в вечной пыли астероидов, лишь изредка выходя на связь с Землей для получения инструкций. Леон чувствовал, что тот день, когда он сможет наконец увидеть свой родной город, вдохнуть сладковатый запах его древних храмов, станет

счастливейшим днем его короткой пока жизни.

Лифт остановился. Макрицкий выбрался в тесный, слабо освещенный коридор и зашагал вслед за алыми стрелками, что указывали путь в ходовую рубку. Идти пришлось недолго: через десяток метров он остановился и усталым, давно отработанным движением приложил свою шифрокарту к глазку определителя.

Тяжеленная гермодверь провернулась на шарнирах и мягко уехала в сторону. Леон перебрался через комингс, привычно шагнул к свободному креслу у пульта и – так же привычно – потрепал по плечу коротко стриженную девушку, сидевшую рядом с его местом.

– Ты опоздал, мерзавец, – усмехнулась она. – Опять. Не выспался?

– Я уже не знаю, когда высплюсь, – вздохнул Леон, включая свой контроллер на запись. – Капитан Макрицкий пост принял, – равнодушно сообщил он и откинулся на спинку кресла. – Проклятье, стоит заступить на вахту, как тотчас же появляется желание курить! Ну когда же это кончится?

– Когда мы приедем в Киев, – лукаво прищурилась Люси.

Они играли в эту игру не первый месяц: сперва девушка собиралась отвезти его к себе в Прагу, потом он ее – в Киев; там они должны были обвенчаться, причем не где-нибудь, а только в Андреевском. Леон прекрасно понимал, что этого никогда не будет. Это была игра, способ убить время и хоть как-то снять накапливающиеся негативные эмоции.

Иногда он с горечью думал, что, возможно, был бы и в самом деле не против такого развития событий, но вот она... красавица-пражанка: стоит им вернуться, отстоять положенное в Нью-Йорке, на Ассамблее – и ее закружит жизнь, манящая бесчисленными удовольствиями. Он же, вечный служака, прицепит на погоны майорскую звезду, отгуляет отпуск и отправится то ли на Марс, то ли в коричневые полярные болота Венеры. Туда, куда изволит послать его та самая Ассамблея.

За его спиной негромко зашипела входная дверь. Леон повернул голову: в рубку входил командир «Галилео» полковник Стэнфорд. Эмблема НАСА тускло серебрилась на его комбинезоне.

– У нас все в порядке? – громко спросил он.

Леон незаметно поморщился: чванливый, вечно орущий Стэнфорд не нравился ему с самого начала экспедиции.

– Все в лучшем виде, шеф, – сообщил Макрицкий.

Стэнфорд пожевал губами. По большому счету, делать ему здесь было нечего.

– Окно связи через двадцать часов, – произнес он.

– Без отклонений, – тотчас отозвалась Люси.

Стэнфорд коротко кивнул и вышел. Леон дождался, пока за ним закроется дверь, и шумно выпустил воздух.

– Надоел? – поинтересовалась Люси.

Леон фыркнул и красноречиво провел ладонью по горлу.

– Непонятно, что это он задержался. Ты заметила, что в

последние дни наш Стэн стал каким-то нервным?

– Мы все теперь нервные, – вздохнула девушка. – Скоро домой... как это? – невтерпеж?

– Уж замуж невтепеж, – засмеялся в ответ Леон. – А?

Люси ехидно улыбнулась. Я тоже хочу домой, подумала она. Ах, как я хочу домой! Но...

– У меня скоро тест, – сказала она, отворачиваясь, чтобы Леон не видел ее глаз. – Наверное, прогоню его прямо сейчас. А потом попробую вздремнуть. Не возражаешь?

Макрицкий не ответил. Люси положила руки на пульт и углубилась в работу. Тихо загудел навигационный вычислитель. Леон нащупал в кармане комбеза пачку сигарет и обреченно выругался про себя. Только что был Стэнфорд – где гарантия, что сейчас не появится Мур, сходящий с ума от скуки и мечтающий прочесть вахтенным лекцию о здоровом образе жизни? Тем более что здесь, в рубке, дымить нельзя ни под каким видом.

– Вот черт, – вдруг громко произнесла Люси. – Вот черт... откуда же он здесь взялся на мою голову?

– Что? – не понял Леон, рывком поворачиваясь к ней.

– Прямо перед нами крупный астероид. В логиях он не числится.

– Ну и что? Если я не ошибаюсь, мы болтаемся здесь как раз для того, чтобы уточнить все карты.

– Ты не понял. Он прямо по курсу, мы подойдем к нему через четыре часа. И это еще не все – за ним тянется целый

шлейф из всяких булыжников. Для того, чтобы уклониться, нужно начинать поворот прямо сейчас! – Люси решительно потянулась к интеркому. – Командир, ответьте ходовой рубке.

Под потолком кашлянуло.

– Полковник Стэнфорд.

Люси торопливо объяснила ситуацию. Леону показалось, что он уловил удовлетворенный вздох командира – это выглядело так, словно Стэн давно ждал именно этого доклада.

– Курс не менять, – отчетливо произнес он. – Мы не можем выходить из графика связи.

– Мы влетим в поток дерьма! – нервно рявкнула Люси. – Командир, нам нужно начинать маневр уклонения. Разрешите начать расчет?..

– Вы меня плохо поняли, навигатор? – холодно поинтересовался Стэнфорд. – Повторяю: мы остаемся на прежнем курсе. Ничего с нами не случится. «Галилео» невелик, и Макрицкий, я надеюсь, сможет сманеврировать на ручном управлении. Но менять курс мы не имеем права. Не я его утверждал... вам ясно?

Интерком отключился. Леон недоуменно поскреб нос и достал из кармана сигареты. Речь Стэнфорда звучала таким бредом, что в это просто не хотелось верить. Стометровый цилиндр «Галилео», плотно облепленный всевозможными антеннами и перепонками фотогенераторов, в потоке мог превратиться в лохмотья. Это Леон понимал совершенно

четко – подобные катастрофы он видел не раз и не два.

– Дело гнилое... кажется, командир неадекватен, – прошептал он. – Лю, давай-ка мне расчет отклонения в пределах генерального курса. Только внимательно, все по секундам, чтобы нас не смогли обвинить в нарушении приказа. И, умоляю, выруби пожарную сигнализацию!..

Стесняясь своего малодушия, он быстрыми, нервными затяжками выкурил сигарету, спрятал окурочек в карман и, встав с кресла, воткнул фильтро-вентиляционную установку. Люси вдруг подняла глаза от своего монитора и коротко куснула губу. В ее взгляде читалось недоумение.

– Слушай, у этой каменюки совершенно ненормальное гравитационное склонение, – тихо произнесла она, глядя на Леона в упор. – Я не знаю, что нам делать... может, вызвать Джессепа?

– Джесси? – Леон представил себе вечную, словно приклеенную, улыбку чернокожего старшего навигатора, ослепительную белизну его зубов, сверкающую меж вывернутых губ, и скривился: – Тогда мы точно никогда не затормозим.

Джессеп, как и Стэнфорд, был американцем. Иногда Леону казалось, что ради продолжения карьеры в НАСА навигатор готов расцеловать Стэна в задницу. Движение по службе было для него всем: в любых спорных вопросах он восторженно поддерживал командира – даже тогда, когда тот вываливал совершеннейший бред.

– Пересчитывай маневр со склонением, – твердо сказал

Леон. – На сколько мы уйдем в минус?

– По хронометражу? – переспросила Люси. – Навскидку, без математики могу сказать одно: намного. На полчаса, это в лучшем случае.

Леон сглотнул слюну. Стэн – новичок в дальнем космосе, и на получасовое выпадение из графика не пойдет под страхом смерти. Он может просто не понимать, что происходит на самом деле: полковник сроду не ходил дальше Луны, и приказ для него мог быть важнее чувства опасности. Зато там, в НАСА, они все какие-то спятившие, у них все по минутам, и при этом не дай Бог криво улыбнуться! По отчету командир будет долго рассказывать о нештатной курсовой ситуации... а они, чего доброго, еще и комиссию соберут. И будет он бумаги писать до следующего столетия.

Но нам-то что делать, спросил он себя. Мы-то все понимаем... а уж после того, как я горел на орбите Венеры, и челнок никак не успевал до полной разгерметизации – о, уж там-то я хорошо научился реально смотреть на вещи!

– Пересчитывай, – повторил Леон. – Я не желаю подыхать из-за глупости нашего «аса»...

Люси тряхнула упрямой рыжей челкой и вновь погрузилась в работу. Леон тем временем включил свой, отдельный сканер на курсовой поиск. Увиденная картинка одновременно заворожила и ужаснула его: несущийся в пространстве астероид был огромен. Черно-коричневое в тени, антрацит-но сверкающее на солнечной стороне, это чудовище волок-

ло за собой пыльный факел разномастных глыб, походящий сейчас на инверсионный шлейф старинной химической ракеты. «Галилео» догонял его с такой невозможной точностью, словно эта встреча была тщательно рассчитана заранее.

– Ото чертяка, – прошептал Леон. – И как же мы его раньше не заметили?

– Пыль, – лаконично отозвалась Люси. – И, наверное, Джессеп.

Леон понял, что она хотела сказать. Предыдущую вахту тащил старший навигатор: сверившись с соответствием генеральному курсу, он наверняка не стал отягощать свои черные мозги какими-либо тестами сканерных систем. Зачем ему? Папочка Стэнфорд сказал четко – очко связи, и без гвоздей, пожалуйста. По времени попадаем? – попадаем... а дальше можно дремать или смотреть порноревю на личном терминале. Лишь бы ладошки не стерлись.

Леон почувствовал нестерпимое желание сплюнуть. Не без труда сдержавшись, он закрыл глаза.

– Торможение через два двадцать, – сказала Люси.

– Это с риском или без? – поинтересовался Леон.

– Про «без» нужно забыть, – улыбка девушки была вымученной. – Но, может быть, мы все-таки успеем в график.

* * *

Ряды цифр, которые скакали по дисплею навигационно-

го монитора, говорили Леону о том, что шлейф мусора, завязанный гравитационным полем астероида, на самом деле куда опаснее, чем представлялось вначале. Фактически, за черной громадиной летели цельные куски марганцевой руды, значительно более тяжелые, чем обычная порода. И хотя траектория их была достаточно линейной, огромные массы не позволяли махнуть рукой на опасность столкновения.

Леон зачем-то проверил, хорошо ли держат его привязные ремни и нерешительно потянулся к блоку ручного управления. Повинуясь команде, из-под пульта выполз рогатый черный штурвал. Люси ободряюще кивнула и подняла два пальца.

– Двадцать секунд, – произнесла она.

Леон положил правую ладонь на пульт управления двигателями.

В детстве он обожал носиться на антикварной дедовой «Волге» – бензин был немислимо дорог, стятидесятилетней давности автомобиль стоил целого состояния, однако Макрицкие были не бедны, а дед Олэксий не чаял во внуке души и позволял ему брать любую машину из своей коллекции. Леон всем прочим предпочитал именно «Волгу», пышнотелую красавицу с серебристым оленем на округлом капоте. Дед, смеясь, говаривал, что с годами внучок пристрастится к дородным красоткам, но причина была не в том. Старухой нужно было управлять, *держат* ее без всяких-разных «мозгов» и сервоприводов, налегая на тяжкий белый руль,

выжимая ногой тугую педаль механического сцепления и раз за разом передергивая изящный хромированный рычаг трехскоростной трансмиссии, торчавший из рулевой колонки... именно «Волга», добродушно фыркаящая архаичным мотором, дарила Леону восторг настоящей власти над машиной, власти, от которой закипала кровь и хотелось выть, подпевая гудящему ветру. Потом у девочек-одноклассниц основательно прорезались грудки, и забасившие мальчишки, с которыми он гонял на Подоле голубей, принялись гулять с ними на днепровских островах, посматривая на недотепу Макрицкого с явным превосходством. Он отвечал им презрением: разве могли они понять его, познавшего настоящий кайф свободы и скорости! Именно тогда он и решил стать астронавтом.

Он был фанатиком своей мечты: он учился намного лучше большинства однокурсников. Но никто, даже паны кадеты, делившие с ним один кубрик в общежитии, не догадывались, о чем на самом деле грезит всегда задумчивый и немногословный Леон. А ему снились звездолеты. Настоящие, огромные летающие крепости, о которых он столько читал в старых романах: стремительные гиганты, сражающиеся в пыльных провалах Галактики, и уж, конечно, ничем не похожие на скучные межпланетные «курятники», которые ждали Леона по выпуску.

Тело «Галилео» чуть дрогнуло, отвечая на запуск тормозных двигателей. Леон повел штурвалом, и картинка на экра-

нах послушно поплыла в сторону.

Люси воздела три пальца.

– Тридцать.

– Да.

Леон чуть расслабился, по-прежнему глядя на цифры, мелькающие на мониторе. Первый поворот прошел нормально. Теперь начинается самое трудное – то, что он никогда не доверит электронике. Ему нужно догнать астероид, еще раз сманеврировать, отклоняясь от шлейфа камней, и вернуться на прежний курс.

– Что здесь происходит?

Гулкий рев Стэнфорда раздался не из динамика, а прямо над головой Леона – погрузившись в вычисления, он не услышал шипения гидравлики и прозевал появление командира в рубке.

– Кто разрешил тормозить?

– Ноль! – выкрикнула Люси, не обращая внимания на рык командира.

– Я запрещаю! – почти истерически взвыл Стэнфорд.

Его рука резко оттолкнула ладонь Леона, уже легшую на штурвал. Изображение на экранах рывком сместилось в сторону. На лице Люси мелькнул ужас. В следующую секунду «Галилео» содрогнулся от тяжелого удара – Леон кожей успел ощутить, как что-то громадное и, несомненно, тяжелое, рвет корпус планетолета, будто мокрую бумагу; Стэнфорда бросило вперед, на пульт, и его большая круглая голова, сверк-

нув загорелой плешью, с глухим стуком легла точно на острый угол одного из контрольных пеналов.

Отчаянный крик Люси потонул в вое тревожной сирены.

– Посмотри, что с нами! – крикнул Леон, пытаясь увести «Галилео» в сторону.

По экрану, прямо в лицо ему, несся ураган разномастных глыб. Из четырех двигателей, сосредоточенных в корме корабля, на команду отозвался лишь один – остальные были заблокированы аварийной автоматикой. Вбив штурвал в твердый пластик ограничителя, матерящийся Леон сумел все-таки отвести изуродованный корабль от каменного шлейфа астероида. Он не знал, сколько времени прошло с момента удара...

– Никто не отзывается... – простонала Люси. – Никто!..

– Что? – не понял Леон. – О чем ты?

Смысл сказанных девушкой слов дошел до него с изрядным опозданием, но уже через секунду он понял все. Если рубка, подвешенная на независимых гравииопорах, получила такой удар, то можно было представить, что же случилось там, в глубине корабля. Наверное, экипаж просто размазало по переборкам... Леон тупо поглядел на ручеек крови, вытекающий из-под командирской головы, и поежился.

Глава 2.

– Эта гадина все-таки убила нас, – прошептал Леон, с ненавистью глядя на плешистую макушку Стэнфорда.

– Он жив? – всхлипнула Люси.

– Это меня волнует меньше всего. Подбери сопли! – выкрикнул Леон, видя, что девушка срывается в истерику. – Мы пока еще живы. Не знаю, надолго ли... но у меня нет особого желания подыхать здесь, в этом каменном дерьме. Мы должны что-то придумать. В конце концов, до окна связи мы можем просидеть и здесь. А?

Люси помотала головой. Властный рык Леона помог ей сохранить самообладание.

– Жизнеобеспечение рубки нарушено. Почти во всех отсеках разгерметизация, уцелел только третий технологический, но там мы не высидим. В челноке мы тоже не продержимся.

– Даже со скафандрами?

– Да... потому что теперь мы войдем в окно не раньше, чем через трое суток. Ты видел, что у тебя заводится только второй двигатель?

Леону показалось, что дышать стало труднее.

– Через полчаса мы догоним проклятый астероид... – пробормотал он. – Все-таки мне непонятно, почему Стэн так психовал.

– Потому что он идиот, – ответила Люси и вдруг необычно хрипло хохотнула: – Зато теперь ты можешь накуриться вволю. Это уже ничего не изменит.

Отщелкнув ремни, она выбралась из кресла и принялась расстегивать свой комбинезон.

– Иди ко мне, – услышал Леон за своей спиной. – Скоро здесь станет холодно...

– Секунду, – машинально произнес Макрицкий, отказываясь верить своим глазам. – Ото ж бис... що ж це?

«Галилео» медленно догонял астероид, одновременно поворачиваясь к нему носом. На экранах отчетливо прорисовались контуры тесной, зажатой с трех сторон скалами, но – неестественно ровной долины. Сейчас она смотрела на солнечную сторону, и Леон, вдруг задрожав, ясно различил поблескивание каких-то пирамидальных сооружений, частично терявшихся в мертвенной тени скал. Едва не ломая пальцы, он перенастроил экран. Изображение приблизилось. Теперь конструкции – уже не пирамидальные а, скорее, кубические – стали видны совершенно отчетливо. Вот только что-то там было не так. Всмотревшись, Леон понял, что строения частично разрушены: он видел обвалившиеся внутрь серебристые стены.

– О, Боже, – жарко зашептала над ухом Люси, – что это такое? Это что-то чужое?

– Я не могу понять, – тоже шепотом ответил Леон, – но – ты видишь: нигде нет ни одного огонька... это развалины.

Интересно, сколько же им лет?

– Но может быть, там что-то уцелело? Может быть, там есть воздух?

– Да, и мощнейший передатчик, который легко достанет Землю без всяких «окон»... вряд ли. Если это – чужое, то о каком воздухе мы можем говорить? Если это наше, то объясни мне, что это такое и откуда оно здесь взялось, если мы – первая экспедиция в этом районе.

– До Депрессии было много экспедиций, – перебила его Люси. – Ты сам знаешь. Мы должны добраться до этого места, пока нас не отнесло. Ты сможешь просадить там челнок?

– Челнок я посажу где угодно. Но что толку? Там – развалины. Ты надеешься, что мы сможем найти в этом дерьме кислород?

Люси прикусила губу и посмотрела на Леона с отчаянием.

– Разве у нас есть другая надежда?

– У нас нет вообще никакой. Но ты права, посмотреть, конечно, стоит.

Все равно, добавил он про себя, мы подохнем часов через тридцать. Жизнеобеспечение причального челнока рассчитано на четыре часа. Нас двое, следовательно, это здорово удлиняет агонию. Но все равно – не настолько, чтобы мы успели добраться до этого проклятого «окна», из которого сможем без помех докричаться до Марса. А если и докричимся – толку?

Вылезая из кресла, Леон вдруг ощутил неприятную лег-

кость, отозвавшуюся в желудке, и понял, что контура искусственной гравитации начали сдавать. Это говорило о том, что энергосистема корабля полностью вышла из строя – скорее всего, вместе с большинством аварийных линий. Какие-то еще тянут, но это ненадолго.

Он распахнул аварийный шкаф, с наслаждением вышвырнул на пол личный кофр старшего навигатора Джессепа и бережно достал свой, с золотым тризубом на голубом поле.

– Я надеюсь, в челноке есть запасные патроны, – буркнула Люси, натягивая скафандр.

– Часовые, не больше, – отозвался Леон. – Большие были в шлюзе по левому борту, но, судя по всему, его вырвало с мясом, и он теперь болтается где-то у нас за кормой.

Вытащив из кофра перчатки, Леон вдруг замер.

– Лю, – глухо позвал он.

– Да? – девушка прекратила подключать шланги и повернулась к нему.

– Я... ну, в общем, вот что... – он снял с левого мизинца тонкий золотой перстень с небольшим рубином и надел его на безымянный палец Люси. – Это кольцо моего деда. Он подарил мне его... впрочем, это не важно.

Леон умолк и рывком отвернулся.

Люси подошла к нему, обняла его за плечи и быстро, коротко поцеловала в шею. В ответ Макрицкий тихонько вздохнул и защелкнул на запястьях перчатки.

... В слабом желтом свете аварийных плафонов недвижно

висели пылинки, уже поднятые с пола исчезающей гравитацией. Как и ожидалось, лифты приказали долго жить, и Леону с Люси пришлось пробираться по лабиринту узких технологических лазов. Они спешили, как могли: кислорода в скафандрах могло хватить максимум на час.

Путь до транспортного шлюза правого борта занял почти пятнадцать минут. Выпав из потолка в нужный коридор, Леон перевел дух и огляделся. Здесь было еще темнее, плафоны еле тлели в четверть накала.

– Долго мы, – сказал он Люси. – Вот черт! Пошли скорее.

Впереди сумерки превратились в настоящую тьму. Леон врубил фонарь, сделал пару шагов и вдруг с воплем отпрянул назад.

– Что? – вскрикнула Люси, хватая его за плечо.

– Кажется, это Джесси... – выдохнул Леон, приходя в себя. – Но что он тут делал, а?

В метре от его ног под переборкой скорчилась страшно переломанная, залитая кровью фигура в бортовом комбинезоне. Люси наклонилась над трупом, пошевелила его ботинком.

– Да, это мистер старший навигатор, – согласилась она. – Как же его так?

– Размазало, – уже равнодушно объяснил Леон. – Меня больше интересует, какого черта он тут оказался?

Сервопривод внутренней двери шлюза на команды с пульта не отреагировал. Проклиная все на свете, Леон разбил

стекло специальной ниши и достал оттуда могучий лом, покрашенный в желтый цвет. Стопоры он отжал без особых усилий, а вот сама дверь отняла еще почти пять минут. Леон бросил взгляд на хронометр, вделанный в левую перчатку, глухо выругался и нырнул в отсек.

– Живее, Лю! – крикнул он, взбегая по низенькому трапу к уже распахнутому люку челнока.

Еще две минуты спустя остроносая приплюснутая машина медленно выплыла из брюха развороченного «Галилео». Отсюда, с правого борта, было не видно, насколько именно пострадал несчастный корабль, но Леон не имел желания рассматривать, что там и как. Дав газ, он направил нос челнока в сторону находившейся уже под ними громады астероида.

– Как странно он выглядит, – заметила Люси, – вот кажется, висит себе камень. Просто здоровый такой булыжник, да? А если задуматься – ну вот как это: висит? На чем висит? А?

– Не висит, – горестно вздохнул Леон, – а летит, чертяка. Если б он, сволочь, просто висел, мы б в такую халэпу не вскочили. Ох, биса б йому в душу...

Легкий челнок, разогнанный импульсом курс-моторов, быстро подплыл к сверкающей черным глыбе, мягко затормозил короткими «выстрелами» носовых дюз и лег набок, приближаясь к зажатой скалами долинке. Леон чуть наклонил голову: по экранам неторопливо ползли поблескивающие, антрацитные склоны, изрезанные глубокими темны-

ми провалами трещин. Зрелище было захватывающе-величественным. Ни на Земле, ни даже на спутниках Юпитера, богатых многоцветными, невероятной красоты пейзажами, ничего подобного не встречалось. Солнце, здесь гораздо более близкое, высвечивало каждый излом, задавая ему невероятную, невозможную для человеческого глаза контрастность, разрезая каждую складку феерически яркими линиями. В этом было нечто мистическое: Леону казалось, что где-то там прячется вход в преисподнюю.

Он чуть склонил штурвал, и челнок, покоряясь его руке, скользнул влево. Теперь нос крохотного кораблика смотрел точно на упрятанную меж скал долину. Притормаживая, Леон с запоздалым удивлением подумал о том, скольких усилий стоило выровнять каменистый грунт. Очевидно, кто-то потратил немало средств на эту непонятную работу. Челнок вытормозился; Леон поглядел вниз и отчетливо разглядел полуразрушенные причальные мишени, предназначенные, похоже, для довольно крупных кораблей. В груди медленно зашевелился странный холодок: посреди левой, наиболее сохранившейся мишени хорошо угадывалась желтая буква «Т». Разваленный комплекс принадлежал Земле.

Люси поняла это одновременно с ним.

– Это невероятно, – прошептала она. – Ему лет... лет пятьдесят, не меньше. Кто же все это строил?

– В космосе невозможно определить возраст, – возразил Леон. – Но ведь в самом деле, говорят, до Депрессии было

много экспедиций. Может, японцы? Я слышал, что они запускали до ста кораблей в год. Недаром именно они первыми дошли до Плутона.

Я несу полный бред, подумал он. Астероидный комплекс в середине столетия? Ой, вряд ли. Тогда все искали минералы, редкие элементы и все такое прочее. Какая компания отправила бы экспедицию сюда, в эти каменные джунгли? Да еще и стройка... однако же откуда тогда это идиотское, неправдоподобное, но – реальное «Т»?

Его руки двигались автоматически. Челнок медленно опустился на единственную уцелевшую мишень. Двигатели смолкли. Леон отстегнул ремни и вопросительно глянул на Люси.

– Патроны менять будем?

– А сколько у нас осталось? – она поглядела на манометр и ответила сама: – Полчаса... давай пока не будем, а? Сходим по-быстрому, и все. А?

Он хорошо понял ее сомнения. Действительно, незамеченный патрон – это лишние полчаса жизни... Леон бросил взгляд на экран, оценил расстояние до развалин и подумал, что за полчаса вполне можно успеть облазить нижние этажи. Хотя, конечно, если там что и уцелело, то только в самом низу, в подвальных отсеках. Но что мешает вернуться в челнок и взять новые патроны?

– О кей, – Леон поднялся и перещелкнул редуктор давления, готовясь захлопнуть шлем, – пошли.

Внешний люк мягко чмокнул за его спиной. Леон спрыгнул на камень, поглядел, как летит белая фигурка Люси – гравитация здесь была весьма далека от земной – и торопливо двинулся в сторону покосившегося серебристого строения.

Почти кубические здания были возведены из материала, отливающего явно металлическим блеском, но Леон прекрасно понимал, что никто не стал бы тащить тяжеленные металлоконструкции на такое расстояние. С дистанции в двадцатка метров ему вдруг показалось, что постройки были разрушены каким-то внутренним взрывом; приблизившись, он понял, что это не так. Стены были действительно провалены вовнутрь, и выглядело это весьма странно: казалось, некая могучая длань просто сдавила в пальцах многоэтажные конструкции, сплющив их, словно бумажный домик.

Когда-то Леону случилось побывать в Антарктиде. Тогда ему показалось, что ничто не может быть ярче полярного солнца, превращающего снег в нестерпимую пытку для глаз. Сейчас, двигаясь по солнечной стороне астероида, он понял, что глубоко заблуждался. Да, здесь преобладал не белый, а, наоборот, черный цвет. Но и солнце – оно казалось отнюдь не тем, привычным источником света и тепла – нет, оно было Солнцем с большой буквы, яростным светилом, обрушивающим на сверкающий черный камень потоки жгучего бешенства, назвать которое светом было весьма нелегко.

– Кажется, там вход, – произнесла Люси, более глазастая,

чем Леон. – Там, справа. Ты видишь?

Леон прищурился и действительно разглядел странно уцелевший на фоне общего разгрома прямоугольник внешней шлюзокамеры. До него было не более двадцати метров: если бы не Люси, он, возможно, и не заметил бы его в этом ужасном сверкании серебристых стен.

– Дверь вынесена, – продолжала девушка, – попробуем?

– Разумно, – согласился Леон, – наверное, там должен быть какой-то коридор, ведущий вглубь здания.

Смешно подпрыгивая, они двинулись по почти гладкому темному камню посадочной площадки. Буквально через несколько шагов Леон споткнулся, дернулся всем телом и на несколько мгновений взмыл вверх. Приземлившись, он изогнул в шлеме шею и поглядел себе под ноги. На усеянном мелкими камнями поле лежал изуродованный, страшно перекрученный гофрированный рукав воздуховода. Выглядел он так, словно его выбросило жуткой силы взрывом.

«Не исключено, – подумал Леон. – Похоже, здесь действительно было жарко. Но, черт его возьми, кому же принадлежала эта станция?»

Он и в самом деле ни разу не слышал о каких-либо попытках возвести долговременный исследовательский комплекс в поясе астероидов. Тем более, о его гибели... Впрочем, до Депрессии, которая изменила привычную карту мира и едва не перевернула всю Землю с ног на голову, «белые» государства отправляли корабли сотнями – возможно, какая-то

компания добралась и до этой мрачной пустыни?

Дверь шлюзокамеры, характерно скругленная по углам, валялась внутри, закрыв собой высокий комингс. Входной проем встретил Леона паутиной обвисших уплотнителей – протянув руку, он пощупал один из них и усмехнулся. Вязкий некогда пластик легко раскрошился в его пальцах. Конечно, это не говорило ни о чем: в космосе все стареет мгновенно – но тем не менее в душе Леона зашевелился холодок. Станция казалась старой, очень старой. Врубив прожектор, Макрицкий шагнул вовнутрь шлюзокамеры.

На стене, вспучившейся, словно под воздействием огромного жара, сияла темно-синяя надпись: «Brodley biology», и эмблема в виде стилизованного орла, горделиво оседлавшего глобус. Леон никогда не слышал о подобной компании. Теперь он практически не сомневался в том, что станция была выстроена до Депрессии, скорее всего, годах в сороковых, когда резкий рывок технологий сделал межпланетные перелеты баснословно дешевыми и доступными даже для небольших фирм, не говоря уже о крупных корпорациях.

Внутренняя дверь была наполовину открыта. Луч прожектора вспорол чернильную тьму коридора, и Леон увидел, что находится перед широкой аркой, ведущей куда-то вглубь строения. Рядом с ним скользнул поток света, льющийся из фонаря Люси.

– Что там, дальше? – спросила она.

– Не знаю, – хмыкнул Леон, – но нам стоит поспешить.

Времени осталось всего ничего.

Арка вывела их к лестнице, полого идущей вниз. Сквозь узкие проломы в потолке кинжалами били тонкие лучики солнечного света, в которых танцевали поднимаемые шагами пылинки. Строение, по-видимому, расползлось по всем своим швам.

– Черт, какая жуть, – заметила Люси.

– Вот про черта, пожалуйста, не надо, – поежился Леон. – Не здесь, хорошо?

Лестница закончилась коридором, который, раздваиваясь, уходил в темную глубь станции.

– Я предлагаю разделиться, – сказал Леон. – Я пойду налево, ты – направо. Только не далеко, и помни о манометре, хорошо?

– Вы, мужики, всегда думаете о том, чтобы пойти налево, – грустно усмехнулась девушка. – Ладно, идем. У нас еще двадцать минут, да?

– Не меньше. Но ты все равно не забирайся очень далеко. Лучше потом вернуться на челнок и перезарядиться.

Через десяток метров Леон увидел первую дверь: она висела, сорванная с одной петли. Он толкнул ее плечом и заглянул в помещение. В свете фонаря блеснули какие-то столы с давно мертвым оборудованием, мертвый глаз большого дисплея... убедившись, что баллонами с кислородом здесь и не пахнет, Леон двинулся дальше. Соседняя комната также оказалась какой-то лабораторией. В ней Макрицкий разжил-

ся массивным топором, снятым с пожарного щита.

Преодолев еще одну короткую лестницу, Леон вышел в довольно просторное помещение с высоким потолком. Белый луч прожектора выдернул из мрака высоченные двери шкафов, перевернутый лабораторный стол и остановился. На Леона смотрела мумия в истлевшем желтом халате. При жизни она была, кажется, женщиной: на затылке уцелел пучок рыжих волос, шею обвивало жемчужное ожерелье. Леон нагнулся. Лаборантка умерла от внезапной потери воздушного давления – он уже видел нечто подобное, когда его корабль наткнулся на давно погибший французский плането-лет, который болтало в окрестностях Венеры. Это было не совсем удушьем, нет. Здесь, на станции, случилась мгновенная разгерметизация всех отсеков и помещений, и воздух ушел буквально в секунду, раньше, чем сработали аварийные системы. На «французе» тогда бахнул главный генератор, и весь экипаж выглядел так, словно людей разорвало изнутри. Что же, черт возьми, могло взорваться здесь?

Леон выпрямился и подумал, что в таком крупном помещении могут оказаться аварийные запасы кислорода или, на худой конец, какие-нибудь дыхательные приборы. Компактные преобразователи углекислоты появились намного позже, чем была построена станция, но сейчас его устроили бы даже обычные маски с баллонами.

Макрицкий развернулся и с размаху вонзил свой топор в первый попавшийся шкаф. Дверь послушно перекосилась,

открывая доступ вовнутрь. Леон нетерпеливо дернул ее на себя и замер.

Он не мог даже кричать, потому что страшный спазм мертвой хваткой перехватил ему горло. На него смотрел Ужас.

То, что Леон принял за шкаф, было на самом деле герметичной колбой. Резкий свет фонаря бился о толстый пластик, за которым, в мутноватой жиже питательного раствора, плавал эмбрион, жуткий настолько, что редкий кошмар, навестивший Леона под утро, мог сравниться с *этим*. Сперва он решил, что перед ним – неродившийся детеныш какого-то гуманоида, но уже через мгновение понял, что это все же сын человеческий. Его череп, скукожившийся от времени, был сильно вытянут назад, четыре руки имели длинные, оснащенные небольшими перепонками, когтистые пальцы, распахнутые в смертной муке глаза походили на кошачьи...

Станция, выстроенная на никому не известном астероиде, занималась разработками направленных мутаций человеческого генотипа. Здесь совершалось преступление, караемое всеми разумными расами галактики как одно из наиболее тяжких, как отступление от знаменитого Кодекса Хрембера, нарушения которого не допускались никогда. В тридцатые годы человечество уже приняло Кодекс, навязанный ему эмиссарами Старших – значит, кто-то осмелился наплевать на закон, повелевающий, как говорили, всеми разумными?

Леон сглотнул слюну и всадил топор в следующую дверь.

Там была та же самая картина. И дальше, и дальше... два десятка дверей – два десятка колб. Погибнув, станция сумела сохранить своих жутких питомцев от тлена, и они выглядели почти живыми. Леон присел на край стола, чувствуя, как пот заливает лоб.

«Главное – зачем? – подумал он. – Зачем?! Чего они хотели этим добиться, понимая, что все скрытое так или иначе станет явным, и от возмездия нам не уйти? «

Ему приходилось слышать о маньяках-ученых, способных на любые преступления ради голого научного интереса, но верить в такую ахинею как-то не хотелось. В конце концов, сейчас не Средневековье... следовательно, кому-то это было действительно нужно.

Леон подбросил в руке свой топорик и вышел в коридор. Кислород здесь, скорее всего, был, но искать его следовало всерьез – нужно было вернуться на челнок и перезарядить дыхательные патроны.

– Лю, – позвал он, – давай, наверное, возвращаться. Возьмем новые часовые патроны и поищем более основательно. Ты слышишь меня, старуха?

– Я, кажется, нашла! – ответил ему слабый голос девушки (Леон удивился, что может мешать работе ее передатчика на таком незначительном расстоянии).

– Что ты нашла? – почти выкрикнул он, чувствуя, как заколотилось в груди сердце.

– Здесь баллоны, старинные баллоны, их целый штабель.

И редуктора, по-моему. Сейчас, я... а-ай! О-оо...

– Что с тобой?!

Ответом ему был слабый стон. Леон перехватил топор и понесся вверх по лесенке, не прекращая звать свою подругу.

– Я упала... – совсем тихо произнесла вдруг она. – А на меня упала какая-то балка. Она меня держит, я не могу выбраться. Как больно, Лео! Помоги мне, скорее!

– Где ты находишься?

– Выломанная дверь слева по коридору, ты увидишь... потом вниз. Здесь какой-то склад, но стены почти упали вовнутрь, и теперь тут завал. Черт, кажется, у меня перелом бедра. Не могу даже двинуться.

– Я иду! Иду!

Пробегая по коридору, Леон вдруг заметил, как следом за ним крадется странный золотистый лучик света, но решил, что ему это мерещится, тем более что после развилки свет пропал. Выломанную Люси дверь он нашел сразу же, едва вбежал в ее коридор.

Девушка лежала на куче какой-то рухляди, придавленная огромным потолочным двутавром. Едва глянув на нее, Леон застонал. Балка была настолько громадна, что приподнять ее он не смог бы никак, даже при таком небольшом тяготении она весила не меньше трех сотен кило. Под стеной, куда, очевидно, и тянулась Люси, и в самом деле виселся штабель желтых в коричневую полосу кислородных баллонов.

Леон присел на корточки, взял ее за руку и слабо всхлип-

нул.

– Боже, Боже, ну почему все так глупо?

За прозрачным забралом шлема мягко изогнулись полные губы Люси.

– Самое обидное, что я не могу тебя поцеловать. Скажи, а Киев действительно такой красивый, как ты говорил?

Макрицкий замотал головой. Встав, он поднял с пола свой топор, подsunул рукоять под балку и налег на нее всем своим весом. Это было бессмысленно, двутавр даже не двинулся с места. Леон почувствовал, что задыхается, машинально посмотрел на табло дыхательной системы и осел на пол рядом с девушкой.

– У меня «сдох» преобразователь, – тихо проговорил он.

Люси охнула и отчаянно забилась, пытаясь вывернуться из-под вмявшей ее в металлический хлам балки.

– А... кислород? – выкрикнула она.

– Ну, это минуты три, – прошептал в ответ Леон. – Или меньше.

Дышать становилось все тяжелее. Он лег на гору железа, прижался забралом к ее шлему и замер.

– Не говори ничего, – едва слышно простонала Люси. – Лучше... лучше я.

Почему же ее так плохо слышно? Мысли стремительно кружились в голове, цеплялись одна за другую... что это за попискивание в наушниках? Самое обидное, конечно, то, что она не увидит деда... дед был бы рад. Дед сидит сейчас

с удочкой, а за его спиной тихо шевелится листва деревьев, и где-то свиристит соловей. А в камышах плещет рыба... да что же это за писк?.. нет, какая рыба, сейчас же осень! Люси, почему я ни разу не сказал тебе, что у тебя самая шикарная грудь на свете? И глаза... у тебя такие игривые глаза... Боже, почему я не могу вспомнить ни одной молитвы?

Леон медленно поднял руку, перекрестился и повернулся на бок, чтобы обнять девушку.

– Что это? – голос Люси был странно хриплым. – Да встань же! Кто... кто это?

Леон тяжело поднял голову, и решил, что умирает. Из дверного проема лился мощный поток золотого света, и в его нестерпимом сиянии к нему быстро приближались три человеческие фигуры.

Когда до них оставалось меньше метра, Леон Макрицкий понял, что это не ангелы, ибо ангелы не носят скафандров. Да каких скафандров! Трое, идущие через завалы металлической рвани, до боли напоминали ему героев давно забытых боевиков прошлого века: на них были чешуйчато-черные комбинезоны, мощные наплечники с овалами каких-то внешних агрегатов, тяжелые на вид сапоги и – огромные, устрашающего вида кобуры на широких поясах. Лиц Леон не видел, так как гладкие черные шлемы были абсолютно непрозрачны.

Подойдя, двое склонились над замолкшей от ужаса девушкой, а третий, чуть меньший ростом, протянул затяну-

тую в перчатку ладонь, чтобы помочь подняться Леону. Макрицкий потянулся к ней, такой человеческой, обычной пятипалой ладони, и весь мир закружился перед его глазами. Где-то далеко-далеко пропищал голос Люси: «Это же они!!!» – и свет погас.

Глава 3.

– Пан Макрицькій... – голос, мягкий и одновременно требовательный, принадлежал белокурой женщине лет сорока в светло-сером комбинезоне с орлом Люфтваффе на левой стороне груди, которая, сидя на краешке койки, осторожно держала его за запястье. – Пан Макрицькій, вы мене розумієте?

Его взгляд приобрел осмысленное выражение, и женщина обрадованно потрепала Леона по плечу.

– Ну? Як справи, пане капітан?

– Вы маєте розмовляти німецькою, – прочистил он горло. – Я вільно зрозумію вас. Де я?

– Вы – на борту германского патрульного рейдера «Бремен». Я бортврач, обер-лейтенант Карен Зентара. Как вы себя чувствуете? С вами очень хочет поговорить наш командир...

– Как я здесь очутился? – перебил ее Леон. – Сколько... сколько времени я здесь?

– Шесть часов назад мы приняли общий SOS вашего челнока, и сразу же поспешили на помощь. Вы были совсем рядом... Когда наши парни поднялись на борт, вы уже фактически умирали. Наверное, вы потеряли сознание до того, как увидели нас? Как случилось, что из всего экипажа уцелели вы один?

– У меня кружится голова, – пожаловался Леон. – Дайте мне отдохнуть... хотя бы часик. А потом можно и командира. Gut?

– О, конечно, конечно! – докторша поправила край легкого шерстяного одеяла и поднялась. – Если я буду нужна, вызовете меня через интерком.

Дождавшись, когда за ней закроется гермодверь отсека, Леон резво вскочил и подбежал к висевшему на стене табло хронометра. Нажав на клавишу, он вызвал на экран календарь... после чего в глубокой задумчивости вернулся на койку. Ему смертельно захотелось курить, но сигареты остались в комбинезоне, а сейчас на нем была бледно-зеленая больничная пижама. Леон с силой сжал виски и едва не застонал.

Ангелы не носят скафандров.

Те, кого он видел в последние секунды перед тем, как умереть от удушья, каким-то образом протащили челнок на огромное расстояние и с огромной скоростью, доставив его в патрулируемый район... те самые тридцать часов хода он преодолел менее чем за час. Это была субсветовая скорость.

Скорость звездолета, маневренный режим.

Значит, раненая Люси осталась у них. Но у кого, у них? Леон почувствовал легкое головокружение. У кого? Ни одна из Старших рас, известных землянам, не была похожа на людей, по крайней мере, настолько. Получалось, в Солнечной системе орудует некто, весьма близкий к хомо телом и, несомненно, духом – Леон хорошо помнил, сколько участия

было в протянутой ему ладони, затянутой в черную металлизированную перчатку. Некто, не известный Земле... и Старшим?!

Они спасли меня и оставили у себя раненую девушку. И они имеют звездолеты. Как можно было доставить сюда мой челнок? Не тащили же они его на веревке... Значит, их корабли настолько велики, что легко могут принять челнок на борт. А ведь для этого нужно иметь, как минимум, пустой трюм... «Галилео» не смог бы взять посторонний объект таких размеров, некуда.

И еще оружие, ручное оружие на поясах.

Боевой звездолет неизвестной расы?

Если бы они пришли со злом, то не стали бы отпускать меня. И вообще, как они вытащили меня с того света? Сколько у них было времени? Несколько минут?..

Леон растянулся на койке и посмотрел на низкий кремовый потолок.

Может быть, хронометр просто врет?

От этой мысли ему стало смешно. Врущий хронометр на немецком корабле! Еще чего...

Ладно, сказал он себе, Бог с ним, с хронометром. В данный момент это все не суть важно. Сейчас придет командир этого гордого корыта: что я ему скажу? Что «Галилео» погиб где-то в тридцати часах хода отсюда? Но как, черт возьми, я объясню тот факт, что у меня почти не выжжено топливо?!

Леон закрыл глаза, вытянулся на койке и постарался вы-

ровнять сбивающееся дыхание.

Почему они вообще отправили меня сюда? Меня – отправили, Лю – оставили? Девочка понравилась? Нет, тут что-то другое. Скорее всего, ее оставили потому, что у нее перелом. И, возможно, повреждение позвоночника, ей нужна была срочная помощь. Тогда... От мелькнувшей в голове мысли он снова потерял дыхание.

Тогда получается, что отправили меня по просьбе Люси. И, может быть, слили остаток горючки?!

Дверь отсека распахнулась ровно через час после ухода доктора. В помещение неторопливо вошел высокий мужчина с крупной головой и пробивающимся, несмотря на многолетнюю борьбу, круглым животиком. Большие серые глаза смотрели с добродушной ленью, но где-то в их глубине светилась внимательная, недоверчивая мысль. Бросив на вошедшего короткий взгляд, Леон решил, что с ним не все так просто, и резво вскочил на ноги:

– Капитан Макрицкий, вахтенный пилот рейдера «Галилео Галилей»...

– Оберст-лейтенант Ганнеман, – ответил ему командир, – не беспокойтесь, – его рука мягко усадила Леона обратно на кровать, – вам нет необходимости соблюдать уставные нормы... по крайней мере, сейчас. Как вы себя чувствуете? Когда ребята доставили пана капитана на борт, пан капитан был совсем неживой. Вы в порядке?

– В полном, – отозвался Леон. – И адски хочу курить.

– Восточные привычки, – ворчливо хохотнул Ганнеман, доставая из кармана своего серо-голубого кителя пачку «Лаки Страйк», – я бывал у вас на родине... и сейчас готов был поспорить, что в первую очередь вы потребуете отраву. Обед у нас будет через час. Доживете? – поинтересовался он, глядя, как Леон жадно втягивает в себя голубоватый дым.

– Доживу, – кивнул Макрицкий. – Война войной, а обед – по распорядку.

– Совершенно верно.

Ганнеман присел на край второй койки, что стояла под противоположной переборкой, и посерьезнел:

– Что у вас произошло?

– Авария. Неприятная авария, – Леон выдержал его взгляд. – Не хочу показаться невежливым, но боюсь, что по ряду причин докладывать я буду только комиссии Ассамблеи.

– Вы устали, – Ганнеман вежливо улыбнулся, давая понять, что понимает его и не собирается настаивать. – Сколько вы шли, часов тридцать? Ваши баки высушены так добросовестно, что в это трудно поверить. Пришлось маневрировать?

– Я жарил почти напрямую, – соврал Леон. – Препятствий почти не было.

Сигарета показалась ему сладкой, как мед.

... – Астероид не был обозначен ни в одной из имевшихся на борту лоций. По независящим от нас причинам он не был обнаружен – лейтенант Ковач предположила, что его проспал старший навигатор майор Джессеп, сдававший ей вахту.

Расплывшаяся в кресле негритянка в чопорном синем костюме постукала по столешнице золотым карандашиком.

– Я попросила бы вас быть более сдержанным в определениях, – произнесла она, сверля Леона ненавидящим взглядом. – Майор Джессеп не мог «проспать» что-либо на вахте... или вы считаете иначе?

Сука, едва не заорал Леон. Поганая сука, чтоб ты лопнула от своего жира! «Майор Джессеп не мог проспать»... твой черный дровича мог проспать второе пришествие, а не то, что эту проклятую каменюку с этой проклятой станцией!

Вспомнив о станции, Макрицкий закусил губу. Сдержанность и еще раз сдержанность, сказал он себе. Не приведи Бог ляпнуть...

– По крайней мере, он не занес результаты своих наблюдений в бортжурнал и не счел необходимым доложить о них по вахте, – сообщил Леон сквозь зубы. – Лейтенант Ковач обнаружила малую планету сразу же, как только приступила к обычной процедуре тестирования ходовых радарных систем. Она начала тесты на несколько минут раньше графика, и у

нас, таким образом, оставалось вполне достаточно времени, чтобы совершить маневр уклонения.

Главой комиссии был сухонький сенатор от штата Флорида; он сидел прямо напротив Леона, и в его выцветших от старости глазах то и дело вспыхивали огоньки неодобрения. Ему все было понятно: мерзавцы угробили дорогостоящий корабль, причем спастись удалось одному этому славянину, который, как и все его сородичи, после Депрессии успешно играет в гордую независимость. А корабль, тем временем, был оплачен деньгами налогоплательщиков, за которые он, сенатор, несет вполне ощутимую ответственность.

В горле главы комиссии что-то неприятно скрипнуло.

– Объясните нам, почему лейтенант Ковач начала тестирование раньше, чем это было положено по графику.

Макрицкий почувствовал, что теряет связь с реальностью. Чтобы не сорваться, он задумчиво потеревил пальцами золотую цепочку своей сабли. В данный момент он испытывал сильнейшее желание вырвать ее из ножен и рубануть наотмашь по скорбно поджатым губам главы комиссии Ассамблеи Космоплавания.

Вся эта пытка шла второй день; из шести членов комиссии четверо были американцами. Леон понимал, что рассчитывать на особое снисхождение ему не стоит, но все же надеялся, что расследование не затянется надолго.

– Я уже объяснял вам, – сдержанно произнес он, – что в данном случае график тестирования носит достаточно умо-

зрительный характер. Системы должны быть протестированы в течение тридцати минут после заступления на вахту. Так записано в инструкции. В отдельном же уложении по навигационной вахте указано, что наиболее желательным временем тестирования является промежуток между двадцать пятой и тридцатой минутами с момента введения в боржурнал отметки о заступлении.

– Это так? – недоверчиво спросила негритянка.

– Да, – кивнул офицер НАСА по имени Билл Мюррей, отвечавший в комиссии за техническую сторону вопроса. – Уложение писали немцы, и оно применяется только на кораблях Люфтваффе. Насколько я знаю, в экипажах ООН о нем слышали лишь такие педанты, как капитан Макрицкий.

Негритянка – «Общественный комиссар» – явно превратно истолковала смысл слова «педант» и поглядела на Леона с неприятным интересом.

Макрицкий хорошо знал, какого рода общественность она представляет. За ее спиной стояли тысячи и тысячи семей, которые получали пособие с тридцатых годов двадцатого века. Семей, в которых никто никогда не ударил пальцем о палец – но зато все считали, что проклятые белые богатеи должны их кормить, одевать и всячески развлекать.

Сообщение о том, что он, единственный уцелевший офицер «Галилео», происходит из весьма состоятельного киевского рода, доставило ей определенное удовольствие.

Глава комиссии поглядел на свой хронометр, озабоченно

крякнул и поднялся.

– На сегодня достаточно. Капитан Макрицкий, мы ждем вас завтра, в это же время.

Леон встал и коротко поклонился.

– Всегда к вашим услугам.

Негритянка прижала к своей необъятной груди папку из черной кожи и, тяжело размахивая гигантским задом, двинулась к выходу. Рядом с Леоном остановился генерал-майор Савчук, введенный в состав комиссии на чисто формальном основании: оба они прекрасно понимали, что тот ничем не сможет ему помочь.

– Идем, хлопче, – устало произнес он по-украински.

– Я вас измучил, пан генерал? – виновато спросил Леон.

Савчук лишь отрешенно махнул рукой.

– В Киеве очень недовольны всей этой комедией, – сказал он, – но... пока мы в Нью-Йорке.

Они подождали, пока члены комиссии уедут вниз, и вошли в свободный лифт. На первом этаже гигантского небоскреба, в коридоре, отделанном полированными мраморными панелями, наперерез Леону бросился юноша в мундирчике рассыльного.

– Мистер Макрицкий, сэр, – затараторил он, – вас там ожидает какой-то старый джентльмен.

– Старый джентльмен? – удивленно остановился Леон.

Рассыльный подал ему серую шинель.

– Старый и очень суровый, сэр. Он не захотел назвать свое

имя и сказал, что будет ждать вас до тех пор, пока вы не освободитесь. Сразу видно человека из прежних времен, сэр, сейчас таких почти не встретишь. Он в холле, сэр.

Леон подпоясался саблей и, застегивая на ходу золотистые пуговицы шинели, двинулся сквозь прозрачные двери, отделявшие холл от гардеробного сектора.

На широком кожаном диване у стены сидел, презрительно поджав губы, высокий седовласый мужчина в полурасстегнутом зимнем плаще, под воротом которого виднелся сдержанно-дорогой галстук, заколотый ниже узла старинной булавкой в виде козацкой сабли. У его ног стоял вместительный дорожный кофр.

– Дед, – сказал Леон, не веря своим глазам.

– Ото бисовы янки, – прогудел Макрицкий-старший, раскрывая объятия, – все пытали, кто я да к кому. А я прикинулся, что не розумию ихнего английского.

– Я не надеялся... – счастливо улыбнулся Леон, вырываясь из сильных дедовых рук. – А як батько?

– У батьки опять конференция в Крыму, он, может, прилетит через пару деньков. Слышал, круто у тебя дело?

Дед хлопнул Леона по плечу и повернулся, чтобы позвать руку генералу.

– Как долетели, пан директор? – поинтересовался тот.

– Мои пилоты пока еще не разучились давить на газ, – хмыкнул старик. – А вот здешние таксисты...

– Идемте, – понимающе улыбнулся генерал, – у нас маши-

на из посольства. Вы уже были в посольстве?

– А зачем? – фыркнул дед. – У меня пожизненная виза.

Семья Макрицких имела постоянную связь с рядом крупнейших манхеттенских банков и дед, номинально числившийся председателем совета директоров, прибывал в Штаты, не уведомляя об этом ни посольства, ни миграционную службу – ему это было не нужно.

Приземистый темно-синий лимузин покинул Манхеттен по мосту Джорджа Вашингтона, вскоре свернул налево и зацеплял в узких, неестественно вылизанных улочках Клиффсайд-Парка. За гнутыми тонированными окнами плыли островерхие трех-пятиэтажные домики, выстроенные перед самой Депрессией. Дед всегда останавливался здесь, в крохотном, скромном на вид, но очень дорогом отеле – обычными его клиентами были состоятельные скандинавы, наезжавшие в Big Apple по финансовым делам.

В машине они почти не разговаривали. Подчиняясь команде, водитель остановил посольский лимузин в «кармане» перед серым фасадом уютного шестиэтажного строения в североевропейском стиле, и выбрался из-за руля, чтобы распахнуть заднюю дверь.

– Я вернусь под вечер, – сказал Леон генералу. – Или не вернусь, – тогда встретимся прямо на комиссии.

Савчук согласно кивнул и пожал протянутую руку деда.

Забрав у водителя дедов чемодан, Леон поправил фуражку и заковылял ко входу в отель. Несмотря на свои отно-

сительно небольшие размеры, чемодан был чертовски тяжел. Леон догадывался, что он набит алкоголем: дед обожал угощать своих нью-йоркских друзей редкими армянскими и крымскими коньяками.

— О, пан Олэксий! — седоватый портье с тщательно прилизанными бакенбардами ринулся навстречу массивной фигуре старика, едва тот перешагнул порог. — Надолго к нам?

— Как получится, — добродушно ответил дед — теперь его английский был, конечно, же, безупречен. — Дела, все дела...

— Да-да-да, — сочувственно закивал портье, — с вашим внуком случилось такое несчастье... пан капитан остановится вместе с вами, сэр?

— Вряд ли, — отозвался Леон. — Я пока живу в посольстве. Роскошный суперлюкс на третьем этаже сверкал ароматами и порядком. Мальчишка-коридорный уже засунул чемодан в стенной шкаф; сбросив на диван холла пальто, дед не без раздражения выволок свой сундук на середину большой комнаты и, откинув крышку, принялся доставать бутылки. Леон тем временем разделся и вызвал горничную.

— Котлеты по-киевски, пан капитан? — прощепетала нежная светловолосая девочка, уважительно косясь на серебристое шитье его погон и длинную офицерскую саблю, валявшуюся поперек дивана.

Это «пан» звучало в ее устах до того смешно, что Леон не удержался от короткой улыбки.

— Да, если у вас умеют их готовить.

– Здесь умеют, – басовито проворчал из глубины номера дед. – И зелень на гарнир, побольше зелени. Скажите Джо, он знает.

– Мне – картофель фри, – добавил Леон.

Где-то за спиной Леона едва слышно зашипели струи воды: дед забрался под душ. Леон повесил в шкаф свой серый китель, расстегнул ворот форменной сорочки и подошел к сводчатому окну. Седоватый нью-йоркский вечер начинался сухими, долгими сумерками. На перекрестке загорелся первый фонарь. Аккуратные, по линейке вычерченные газончики перед тротуарами были покрыты уже мертвой, но все еще зеленой травкой. Леон вспомнил залитые огнями стриты Квинса, полные праздных, постоянно жующих черных в кричаще-ярких надувающихся куртках, и скривился. Он не любил Америку и считал, что единственное место, где может существовать в этой стране нормальный культурный человек из Восточной Европы – это небольшие городки Юга, но даже и там все чаще происходили безобразные выступления потомственных люмпенов, требующих для себя бесплатного меду. Представить такую картину у себя на родине он не мог.

Дед выбрался из душа, облаченный в коричневый халат с капюшоном, задумчиво оглядел огромную батарею бутылок на столе, хмыкнул и прошел в спальню.

Светлые брюки и теннисная рубашка, в которых он появился минуту спустя, сделали его моложе. Поглядев на старика, Леон горделиво улыбнулся: деду шел девяносто третий

год, но выглядел он куда свежее иных шестидесятилетних.

– Приезжала Ирма, – сказал дед, выбирая из своего запаса приземистую пузатую бутылку с бордовой этикеткой. – Приехала сразу, как только услышала о тебе.

Леон снова посмотрел в окно. При упоминании этого имени в нем поднялась волна тепла, смешанного, как всегда, с легкой грустью. Увы, сказал он себе, я никак не могу вознаградить твою преданность.

– Мама, наверное, опять завела свою шарманку?

Дед кивнул.

– А что ты от нее хочешь? Отец тоже считает, что тебе давно пора уволиться.

– Нет. Ты знаешь меня... нет. Если меня не выкинут, я буду тянуть до конца.

Запищал дверной звонок. Леон поспешил открыть, впуская в номер официанта со столиком на колесах. Следом за ним шла горничная, несущая салфетки в золотой вазочке.

Проводив взглядом аккуратную попку горничной, дед уселся за стол. Налил в рюмки по капле ароматного «Борисфена», ревниво понюхал истекающую маслом, поджаристую котлету на косточке и подмигнул внуку:

– Ну, здравы будем...

Леон проглотил коньяк, бросил в рот листочек салата и впился зубами в восхитительно хрустящую котлету. Дед жевал молча, обстоятельно; из-под седых бровей коротко поскверкивали внимательные глаза, наблюдавшие за Леоном.

– Твоего сенатора зовут Монтгомери Уорд, – утвердительно произнес он, бросив на тарелку куриную косточку.

– Главу комиссии? – вздернулся Леон с набитым ртом. – Да... а что?

Дед вновь поднял бутылку.

– Никто не без греха, – сказал он, пряча в вислых усах свою ироничную улыбку. – Эти смешные американцы до того заигрались в свою «подлинную» демократию, что постоянно наступают на одни и те же грабли.

Леон понял, что он хочет сказать. Старый интриган знал свое дело. Янки же, попав в Россию или, тем паче, в Украину, приходили в ужас, вопя, что там правит мафия и даже крупные промышленники действуют откровенно гангстерскими, по их понятиям, методами.

– Не знаю, не знаю... – Леон поскреб подбородок. – Да, корабль принадлежал ООН, но, видишь ли, командир и старший навигатор были из НАСА. Роль командира тебе известна, так ведь? Вот они и давят... и будут давить.

– Честно сказать, мне все время кажется, что ты чего-то не договариваешь, – прищурился. – Чего-то такого... глобального. Или я не прав?

Леон постарался, чтобы его голос прозвучал убедительно:

– На сей раз да, не прав. В принципе, я рассказал все, что видел. Они не знают, в чем меня обвинить – но ведь если не обвинить меня, то придется обвинять Стэнфорда и Джессепа. Ты понимаешь, какой это щелчок по носу гордой амери-

канской демократии? Тем паче, что я не совсем понимаю, как удастся обвинить Джесса – все эти цветные «активисты» в ответ немедленно обвинят Ассамблею в расистских методах... это же Америка.

Дед покачал головой.

– Я поговорю с кой-какими людьми. В Киеве все за тебя – я был у Пинкаса, и он клятвенно пообещал, что ты сразу же получишь новый чин и отправишься отгуливать отпуск за два года. Я думаю, тебе надо съездить отдохнуть. А там мы можем поговорить и об отставке.

– Отставки не будет, – упрямо боднул головой Леон. – Сколько можно возвращаться к одной и той же теме? Мать, отец... теперь еще и ты. Сколько еще? Конечно, вы можете сделать так, что меня выпрут, но такого, кажется, в нашей семье еще не было.

– Все будет так, как ты захочешь. Я не могу настаивать – ты знаешь, как мы все тебя уважаем.

– Спасибо... – Леон все еще боролся с нахлынувшим раздражением. – Давай выпьем. Я и в самом деле хотел бы отдохнуть.

«Что я скажу Ирме? – вдруг подумал он. – Стоит мне вернуться, и она появится в тот же день. Я знаю, что я скажу матери – я уже сейчас готов к этому разговору, но что, что я скажу Ирме? В чем она виновата? В том, что любит меня все эти годы? Да, я и в самом деле охотно женился бы на ней. Если бы... если бы вышел в отставку.»

– Как, хорошо ловилось этим летом? – поинтересовался Леон, проглотив свой коньяк.

– А? – Дед, казалось, не расслышал его. – Да, в полном ажуре. Я поднял трех сомов... ты будешь ночевать у меня?

– Наверное, нет. Я хочу еще чуть-чуть побродить, а потом вернуться в посольство.

– Смотри не нарвись на неприятности.

– Я?!

Дед прекрасно понимал, что даже в Big Apple немного найдется людей, готовых броситься на астронавта, чья физиономия несколько раз мелькала в сетях. Тем более, на астронавта с длинной кривой саблей на поясе. Просто, подумал Леон, я для него мальчишка, раз в неделю разбивающий себе нос – и навсегда таким останусь. Даже если стану генералом...

... Генералом не генералом, но скоро я стану майором, рассуждал он, неторопливо вышагивая по улице в сторону авеню, где можно было поймать такси. Фактически, я уже майор. Правда, никто пока не знает, как я выпутаюсь из этой истории.

На авеню остановился первый же кэб – такой же желтый, как и сто лет назад, правда, после Депрессии в Америке навсегда перестали делать большие автомобили – все они как класс перекочевали туда, где их не было никогда раньше: в Восточную Европу, а если точнее – в бескрайнюю Россию с ее неиссякаемыми энергетическими ресурсами и в тихую,

по-муравьиному трудолюбивую Украину.

Водитель смотрел на Леона выпученными глазами.

– Вы военный, сэр? – спросил он, опустив перегородку салона.

– Да, – спокойно ответил Леон.

– А в какой же стране положено носить с собой эту вашу саблю?

– В Украине.

Кэбби заткнулся. Вряд ли он видел его в сетях, дело было в другом. Обычному работяге-американцу, вкалывающему по пятьдесят часов в неделю, неприятно жить с мыслью о том, что где-то, далеко за океаном, есть страны, в которых не нужно отдавать 70 центов с каждого заработанного доллара для того, чтобы прокормить ораву бездельников, не желающих эти центы зарабатывать, и ораву чиновников, эти центы распределяющих. Такие страны – в которых работать приходилось *всем* – вовсе не казались ему раем, нет. Там, слышал он, не очень-то с правами человека, там до сих пор казнят за убийства и наркотики, но, главное, он никак не мог привыкнуть к презрительно поджатым губам этих надменных русоволосых славян, к их манере разговаривать сквозь зубы и морщиться при виде каждого неевропейца.

– Отвезите меня к Мемориалу 11 сентября, – неожиданно произнес Леон.

Водитель удивленно обернулся.

– Мы же...

– Я заплачу.

Леон порылся в боковых карманах шинели, вытащил сигареты и вспомнил, что в американских машинах пепельниц не встретишь. Страхивать пепел на пол салона он посчитал ниже своего достоинства – вздохнув, Леон спрятал пачку обратно. В этот момент в окошко просунулась рука с жестяной коробочкой.

– Курите, сэр, – сказал кэбби. – Я сам иногда курю... спасибо, что вы не стали пачкать машину – обычно я очень устаю к вечеру, и чистить салон уже просто нет сил. Вы не угостите меня сигаретой?

Макрицкий протянул ему пачку «Гетьмана». Таксист осторожно вытащил длинную коричневую сигарету, понюхал ее и, довольно вздохнув, спрятал под солнечный козырек.

– Я – потом, – сказал он.

– Возьмите еще пару, – предложил Леон. – Это очень хорошая марка.

Кэбби, казалось, испугался такому предложению.

– Нет-нет, сэр, как я могу, что вы...

Леон молча пожал плечами.

Выбравшись из машины, он тщательно уложил внутри ворота шинели свой белый шарфик – так, чтобы тот закрывал воротник кителя, но оставлял на всеобщее обозрение черный форменный галстук – и зашагал по тротуару. За его спиной тускло светились прожекторы, освещая стеклянные гро-

мады старинных билдингов. Когда-то, вспомнил он слова деда, здесь было море огней. Теперь экономят на всем. Теперь каждый прожектор – это чьи-то сосиски социальной помощи... сосисок хочется много, на всех не хватает, вот и приходится вместо былого величия включать дохленькие фонарики: так, разве что для виду.

Мимо Леона, торопливо стуча по тротуарной плитке модными твердыми каблуками, спешили многочисленные в этот час прохожие. Кое-кто украдкой оглядывался: он, неторопливо шествующий в своей серой шинели и высоковерхой фуражке, был слишком чужероден для нью-йоркских улиц. Леон усмехнулся. Спешка здесь была образом жизни, Америка, тянущаяся за претензией на респектабельность, выучилась спешить много десятилетий назад.

За его спиной резко взвыла сирена. Макрицкий обернулся: рядом с ним, впритирку к тротуару, замер полицейский «Форд», увенчанный целой короной мигалок. Двое крепких парней в черных плащах пружинисто вылетели из машины и встали перед ним.

– Документы.

Леон не удивился. Чужих здесь не жаловали. И все-таки – это не «ваши документы, сэр», а хриплый рык уверенных в себе хозяев улиц... он поджал губы и протянул полисмену бледно-голубую карточку с голографическим трезубцем.

– Я ни черта не понимаю, – заявил сержант, осветив офицерскую книжку крохотным фонариком. – У вас есть доку-

мент на английском языке? У вас есть документ на право пребывания в Соединенных Штатах? Вы знаете, что в этой стране нельзя носить с собой холодное оружие?

Леон брезгливо поправил на руках перчатки.

– Оно положено мне по форме, – сказал он, доставая удостоверение ООН.

Физиономии полисменов неприятно вытянулись. Несколько секунд оба внимательно изучали пластиковую карточку, над которой, переливаясь, парила в воздухе эмблема Ассамблеи Космоплавания.

– Что еще? – язвительно спросил Леон. – Кредитку?

– Прошу прощения, сэр, – сержант вернул ему документы и попытался улыбнуться, – нас смутила ваша сабля... и ваша сигарета.

– Хорошо хоть, честно, – вздохнул Леон, пряча документы карман.

– Счастливого вечера, капитан, – донеслось ему в спину.

Неожиданно в воздухе закружился снег. Леон поднял голову, подставляя лицо медленно танцующим снежинкам, и счастливо зажмурился. Это был его первый снег за целый год, и он вдруг обрадовался ему, как старому, доброму другу. Ему остро захотелось домой, в светлые украинские степи, где вдоль шоссе тянутся аккуратные деревушки, уставленные степенными, белого камня усадьбами, да, туда, где старики ревностно хранят невысыхающие древние колодцы, из которых всегда можно напиться студеной, обжигающей сво-

ей свежестью воды. Но сейчас он брел по бурлящему вечернему Нью-Йорку, а возвращаться в посольство не хотелось.

Леон вновь остановил кэб, и вскоре вокруг него загорелись призывные огни бродвейских театров. За последние сто лет здесь мало что изменилось.

Он закурил новую сигарету и остановился на углу, под сверкающей вывеской какого-то увеселительного заведения. Леон плохо знал нью-йоркские улицы: ему хотелось зайти в какой-нибудь ресторан, но он не соображал, в какой именно.

– Эй, красавчик!

Высокая молодая девушка в нездешне-элегантном пальто, двигавшаяся по тротуару вслед за ним, остановилась в двух шагах от Леона и весело улыбнулась сверху вниз.

– Это, кажется, тебя показывали вчера вечером?

Леон недоуменно поднял глаза. Она никак не походила на проститутку («хотя, конечно, кто их, тутошних повий, знает?»), и говорила с каким-то акцентом – то ли французским, то ли итальянским.

– Капитан Макрицкий, – осторожно представился он и поднес два пальца к козырьку своей фуражки. – с кем имею честь?..

– Меня зовут Жасмин, – все так же посмеиваясь, заявила девушка. – У тебя такой потерянный вид... я шла, шла за тобой, а потом все-таки решилась подойти первая.

– Ты не американка, – утвердительно произнес Леон.

– Да, а как ты догадался?

Леон усмехнулся и поправил воротник.

— Ни одна американская женщина никогда не станет приставать на улице к незнакомому мужчине. Здесь с этим не шутят. Ты или из Франции, или из Италии. А?

— И оттуда, и оттуда, — счастливо засмеялась Жасмин. — Я родилась в Марселе, а живу в Риме. В Штатах я так, отдыхаю. Скоро рождество, так что я уже собираюсь домой. Может, мы зайдем куда-нибудь?

— И как мы будем выглядеть? — поинтересовался Леон, окинув ее скептическим взглядом. Жасмин была не столько выше, сколько крупнее его: рядом с ней Макрицкий казался мальчиком, напялившим чужой мундир.

— Но я же не виновата, что ты такой дохлый?

— А в космос жирных не берут. Ладно... пошли. Тут есть приличный ресторан? Только, Бога ради, не хватайся за меня, а то я сойду с ума.

Итало-француженка Жасмин знала, чего хотела. Уже через десять минут она втащила Леона в холл какого-то старинного заведения. От деревянной стойки мгновенно отделился гардеробщик. Жасмин небрежно сбросила ему свое пальто, и Леон чуть не задохнулся, глядя на ее фигуру. Девушка вовсе не была полной, как ему показалось вначале: нет, но как же щедро одарила ее природа! Макрицкий скользнул глазами по ее высокой груди, обтянутым синей шерстью платья бедрам, задержался на чудном, невероятном изгибе ее икр и поспешил отвернуться, расстегивая пояс. Леон

немного замешкался, снимая шинель: сабля сверкнула в ярком свете древних хрустальных люстр – появившийся метрдотель опасно покосился на позолоченную гарду и почти-тейнейше ввел их в зал.

Здесь царил интимный полумрак. На столиках мягко светились лампы с матерчатыми абажурами, под потолком плавала едва слышная легкая музыка. С первого же взгляда Леон понял, что Жасмин привела его в тихое, весьма респектабельное заведение, и мысленно поблагодарил ее за это. Наверное, сказал он себе, у этой красотки есть вкус. Больше всего ему не хотелось оказаться сейчас в каком-нибудь шумном дансинге. Леон осторожно поправил галстук – тот был увы, не совсем форменным: на вид полностью уставной, но, однако же, от младшего Воронина. И стоил он как три месячных оклада среднего европейского капитана.

– Что ты будешь есть? – спросила Жасмин, откладывая меню.

– Фруктовый салат с медом, – ответил он. – И коньяк.

– Коньяку, я надеюсь, бутылку?

Леон поднял на нее удивленные глаза.

– Послушай, ты, часом, не служишь в этом кабаке зазывалой?

– Я заплачу, – с неожиданной гордостью вскинулась девушка, – все-таки не каждый день я пью с настоящими героями.

– Ну уж, нет, – Леон с трудом удержался от смеха, – офи-

цер не может допустить, чтобы за него платили в ресторане. Тем более, когда речь идет о такой прелестной женщине.

С каждой минутой она нравилась ему все больше и больше. Леон считал, что умеет разбираться в людях: в больших смеющихся глазах Жасмин ему чудилась какая-то искренность, прямота – качества, давно утерянные женщинами западной цивилизации. На родине Леона прямота и отсутствие дешевого кокетства весьма ценились в молодых девушках. Именно поэтому его соотечественники почти никогда не женились на чужачках. Славянский мир, не слишком тронутый феминизмом, славился своей патриархальностью и твердостью устоев.

– Как тебе нравится Нью-Йорк? – спросила Жасмин, когда официант закончил расставлять на столе их заказ и удалился восвояси.

– Нью-Йорк? А что здесь может нравиться? – удивился Леон.

Девушка рассмеялась и решительно налила ему полную рюмку коньяка.

– Будем пить так, как у вас принято, – объявила она, продолжая улыбаться, – или ты не умеешь?

– Почему же, – усмехнулся в ответ Макрицкий, – обучен. Куда ж денешься? А вот где ты этому научилась? Была у нас?

– Нет... я училась в Болонском университете. Там пьют так, что закачаешься.

– Ну, я, допустим, не закачаюсь... за встречу.

– Я не бывала у вас, – сказала Жасмин, изящно закусывая коньяк фруктами, – потому что боялась, что мне захочется остаться. А это, говорят сложно – у вас там такие, закрытые страны. Чужих не принимаете.

– Чего проще, – пожал плечами Леон. – Двести тысяч гривен на счет в Национальном – и пожалуйста. Через пять лет можешь получить гражданство и забрать свои деньги.

– Двести тысяч! Это сколько в долларах? Миллион?

– Чуть больше. Только доллары нам не нужны. Это сто лет назад доллар был – да... а теперь, сама знаешь.

– И что, других способов нет?

Леон задумчиво прожевал ломтик засахаренного лимона, шмыргнул носом.

– Не знаю. Может быть, выйти замуж за украинского или российского подданного. Понимаешь, у нас ведь действительно все другое. Численность населения поддерживается на одном и том же уровне, почти никаких пособий и все такое прочее. Поэтому и чужих мы не принимаем. Чужих обычно надо кормить, потому что они не хотят работать. А у нас так не принято, у нас все работают. Не будешь работать –дохнешь с голоду.

– Тогда женись на мне.

Леон хрюкнул и потянулся за бутылкой, стараясь не смотреть на девушку.

– Я из богатой семьи, – сказал он. – Зачем мне твои деньги?

– А у меня их и так нет. Ладно, замяли... не думала, что ты так испугаешься. Просто мне порядком надоела Европа, вот я и езжу время от времени в Штаты. Здесь то же самое дерьмо, но как-то веселее, что ли. Все равно, конечно... безысходность, кругом эта дерьмовая безысходность.

Леон поднял удивленные глаза. В эти мгновения Жасмин показалась ему такой усталой, словно ей пришлось проделать какой-то долгий, непереносимо тяжелый путь. Может быть, подумал Леон, так оно и было – что я о ней знаю?

– Черт его знает, – он поднял рюмку. – Я об этом не задумываюсь. У меня служба...

– И ты прям-таки всем доволен? – спросила Жасмин, выпив.

– Какие странные вопросы ты задаешь... откуда ты взялась, такая умная? Доволен-недоволен... я много чем недоволен. Но там, в пустоте, об этом не принято рассуждать. Туда попадают только те, кто мечтал об этом всю жизнь. А когда сбываются мечты, человек обязан делать вид, что он счастлив, иначе его просто неправильно поймут. Вот, в сущности и вся философия.

– Еще в университете я стала думать, что вся наша философия – нет, я не говорю о конкретно твоей или моей – вся философия человечества в последние годы устремлена напрямиком в тупик...

Леон закурил сигарету.

– Америка меня пугает, – сообщил он, – то полицейские

пристают, то – на тебе! – красавицы с философским настроением... хочу домой. Что ты хочешь всем этим сказать? Ты можешь что-то изменить? Ты можешь родить какие-то новые идеи, концепции?

– О каких концепциях мы можем говорить, когда нам все уже навязано извне? Когда за нас решают, что и как мы должны делать!

– А-аа, – застонал Леон. – И это я уже слышал. Ты, наверное, наслушалась высокоумных профессоров, помешанных на неприятии Кодекса Хрембера? Я знаю, в Европе это ужасно модно, особенно в последнее время. Да кто тебе это сказал?.. кто сказал, что за нас кто-то что-то решает? Кодекс – это просто свод законов. И законов, кстати, мудрых, проверенных временем. Или я не прав?

– Конечно, не прав. Если нам что-то запрещают...

– Все... – Леон умоляюще поднял руку. – Хватит. Давай лучше выпьем. У меня, правда, завтра продолжение балета, но мне уже как-то наплевать.

– Какого балета? – изумилась Жасмин.

– Такого... красивого. Эти умники из НАСА ищут стрелочника, а никого, кроме меня, у них под рукой не наблюдается. В результате на меня хотят повесить всех собак. Я, понимаешь ли, виноват в том, что остался жив!.. вот ведь незадача.

– Я могу спросить, что у вас там случилось?

– Спросить ты можешь. Только вряд ли получишь ответ.

Не обижайся, ну, ты же должна понимать. Пока не закончится это идиотское расследование причин инцидента, я не имею права говорить. Я принимал присягу...

Бутылка быстро подошла к концу. Леон рассказывал девушке о Киеве, о своей службе, о пожаре на орбите Венеры, и совершенно не заметил, как дело перевалило за полночь. Глянув на часы, он оторопел и замер на полуслове.

– Наверное, мне пора, – промямлил он.

– Тогда идем, – легко согласилась Жасмин.

Она решительно пресекла его попытки расплатиться по счету, и Леон поспешил в гардеробную. Ему было стыдно и ужасно неудобно. В его жизни было не очень-то много женщин, а тем более – таких, с которыми не нужно играть в дурацкие игры.

– Ну что, поедem ко мне? – улыбнулась Жасмин, когда они вышли на засыпанную снегом улицу.

Леон тяжело вздохнул.

– Мне нужно быть в посольстве. Пойми меня правильно, я...

Он хотел сказать «я очень хочу поехать к тебе, может быть, я хочу вообще не расставаться с тобой, может быть...» – но он споткнулся и опустил беспомощные глаза.

Жасмин потрепала его по плечу.

– Не надо ловить мне такси. Возьми вот это – мне кажется, мы еще встретимся.

Леон машинально засунул в карман какую-то карточку,

неуклюже поцеловал ее в щеку и остался стоять, глядя, как Жасмин быстро удаляется в сторону Бродвея.

Глава 4.

– Заседание окончено. Благодарю вас, леди и джентльмены.

Сенатор Монтгомери Уорд бросил на Леона весьма задумчивый взгляд, поправил галстук-бабочку и заковылял к выходу. Навстречу ему в зал быстро вошел Алексей Макрицкий, облаченный в неприлично дорогой московский костюм и до такой степени увешанный драгоценностями, что широкозадая общественная комиссарша едва не споткнулась от ненависти. Дед брезгливо отодвинул ее со своего пути и подошел к Леону и Савчуку.

– Вот что, – начал он, поправляя хрустящую манжету сорочки, – мы кое с кем переговорили...

– Кажется, я уже догадался, – вставил Леон.

– Погоди... суть, в общем, такова: завтра ты подписываешь протокол, в котором не будешь особо нажимать на Стэнфорда и Джессепа – и все. Дело спускают на тормозах, прес-са пишет об ужасном несчастном случае. Скорее всего, они придумают тебе какую-нибудь аварию. Ясно?

– В Киеве знают? – ошарашенно спросил Савчук.

– Разумеется. Их это вполне устраивает, потому что скандал никому не нужен. А сейчас... – дед помедлил, раздраженно дернул себя за ус и внимательно посмотрел на Леона, – с тобой хотят поговорить какие-то типы из НАСА. Я

опередил их. Главное, чтобы ты знал: мы все решили. Теперь тебе остается только подписать бумажку, и все.

Старый мошенник прижал американскую демократию, довольно подумал Леон. Что ж, здорово...

Ему уже виделся Киев.

– В общем, иди. Я буду ждать тебя внизу, в баре.

Дверь захлопнулась. Леон поправил надоевшую ему саблю и вернулся в кресло, ожидая представителей НАСА. Они появились очень скоро: трое неопределенного возраста мужчин с неприятно-отсутствующими взглядами, все трое – белые. Последнее обстоятельство несколько удивило Леона, но он не придал ему особого значения.

– Капитан Макрицкий?

– Да, сэр.

Они сели. Некоторое время троица внимательно разглядывала Леона, словно желая определить, тот ли он, за кого себя выдает. Потом один из чиновников (а может, и не чиновников) коротко вздохнул и поинтересовался:

– Нам хотелось бы знать, не произошло ли на борту чего-либо... необычного.

– Простите, сэр?

Человек из НАСА прокашлялся.

– Я имею в виду, перед самой аварией – не заметили ли вы каких-либо странностей? Возможно, резкого изменения навигационной обстановки?

– Но позвольте, сэр... Я же докладывал комиссии... Са-

мым неожиданным было появление этого проклятого астероида, об который мы споткнулись, сэр. Других неожиданностей я как-то не заметил.

– Вы уверены в том, что не допустили никаких ошибок?.. вы уверены в том, что были достаточно внимательны?

– Сэр!..

Чиновник скорбно вздохнул и обменялся взглядом с одним из коллег. Тот опустил глаза и едва заметно кивнул.

– Скажите, капитан, вы осматривали приближающийся астероид?

Сердце Леона подпрыгнуло и едва не вырвалось из груди. Он на секунду стиснул зубы и призвал на помощь все свое самообладание – сейчас оно было важнее всего. И еще – актерский дар. Одни знакомый деда, старый, знаменитый театральный режиссер, клялся и божился, что молодой Макрицкий имеет все для того, чтобы покорить сцену. Леон незаметно выдохнул и придал лицу изумленное выражение:

– Сэр, а как вы сами считаете: у меня было на это время? Я видел, что на нас летит здоровенная глыба, это – смерть, вы же должны понимать! Мы с вами – профессионалы, мы знаем, какую роль играют секунды. Там, в Дальнем космосе!.. За секунду можно...

– Благодарю вас, – перебил его чиновник. – Этого достаточно. Все дело в том... – он чуть замялся, – что кое-кто продолжает считать, будто бы вы имели возможность как-то повлиять на исход этой ужасной истории. Теперь мы пони-

маем, что это было не в ваших силах. Желаю удачи, капитан.

Двигаясь в лифте, Леон то и дело проводил ладонью по лбу. Ему было жарко.

Они знали, эти сволочи!

Они знали, что должно было находиться на этом проклятом астероиде. И Стэнфорд знал. А вот Джессеп, скорее всего, нет: о таких вещах говорят лишь командиру, а уж он сам принимает решение.

И еще – никакие они не чиновники из НАСА. Это что-то другое. Вот только что?

«А вдруг «Галилео» и был послан в этот район именно для того, чтобы проверить, что осталось от давно погибшей исследовательской базы? Или, может быть, выяснить, что с ней вообще произошло? И теперь, пораскинув мозгами, они пытаются понять: видел я все это дерьмо или нет?!»

Нет, не видел. Найти «Галилео» было практически невозможно – после удара он пошел по совершенно непредсказуемой траектории, а там, в сплошной каше из каменного дерьма, никакие радары и детекторы масс не помогут отыскать потерянный корабль, кувыркающийся куда глаза глядят. Но, даже если его найдут – что дальше?

То, что в рубке отсутствует труп лейтенанта Лючии Ковач. Леон шумно вздохнул. Лифт остановился. Забрав в гардеробе свою шинель, он быстрыми шагами прошел в бар и сразу увидел деда: Макрицкий-самый-старший восседал перед стойкой с рюмкой виски в руке и добродушно внушал что-

то молодому бармену с перекошенной от удивления «бабочкой».

– Ну, як? – поинтересовался дед, враз посерьезнев.

– Та ні як, – ответил Леон, взбираясь на табурет рядом с ним. – Double whisky, please. Я чую, ты так прижал этих йолопов¹, что они рады поскорее от меня отделаться. Наверное, я им уже надоел.

– Ото й гарно. Если завтра все пройдет без проблем, вечером будем уже дома. Я надеюсь, у тебя нет никаких дел в Big Apple?

Леон помотал головой и залпом выпил поданную барменом рюмочку. Дед лукаво усмехнулся в усы, похлопал его по плечу и вонзил свою кредитку в пасть расчетного автомата.

– Поехали отсюда, – сказал он. – Надоело. Как здесь люди живут?

* * *

«Ан-Лыбидь», серебристый сверхзвуковой «лимузин», украшенный семейным логотипом Макрицких, медленно снижался, приближаясь к Борисполю. Выполняя распоряжение деда, пилоты сделали полукруг над огромным городом, и у Леона перехватило дух. Залитый ослепительным солнцем, Киев радовался первому снегу, укрывшему его древние

¹ придурков – укр.

крыши, выбелившему многочисленным парки и днепровские берега. На маковках церквей снег успел подтаять, и золото горело под солнцем, словно костерки, там и сям разожженные среди тысячелетних холмов.

Леон уже не мог усидеть в велюровых объятиях кресла. Приподнявшись, он жадно смотрел на свой родной город, гордость и любовь славянского мира. Он не был дома больше года – и все это время, каждую секунду, проведенную в железном гробу планетолета, он мечтал именно об этом миге. Киев, его Киев медленно поворачивался под ним, приветствуя своего блудного сына, который наконец вернулся из холодных черных бездн!

Колеса самолета коснулись серого покрытия ВПП. Леон подхватил с соседнего кресла свой кофр и двинулся к выходу. Дед, сидевший возле пилотской кабины с терминалом на коленях, понимающе усмехнулся.

– Наконец, – сказал он. – Да?

Леон счастливо вздохнул.

Под трапом выстроились мать, бабушка, сестры и, чуть поодаль – смущенно улыбающаяся миниатюрная девушка с целой охапкой белых гвоздик. Рядом суетились сетевики. Леон поправил саблю и понял, что сейчас придется разыграть небольшой спектакль. Впрочем, он не мог бы поклясться, что на самом деле ему этого не хочется.

Записывающие головки смотрели прямо на него. Сойдя с последней ступеньки трапа, Леон снял фуражку, грациозно

поправил полы шинели и неторопливо, с достоинством, опустился на колени. Губы ощутили тепло подогретого покрытия, и в уголках глаз вдруг непроизвольно появились слезы.

Ему не хотелось подниматься.

Он хотел стоять на коленях, целуя этот теплый шершавый пластик, но... он должен был встать.

Расцеловавшись с родней, Леон повернулся к Ирме. Кругом были головки видео, они обстреливали его со всех сторон. Макрицкий взял букет, обнял девушку и прошептал:

– Ты только не плачь. На нас смотрят...

– Никаких интервью, – услышал он за спиной внушительный голос деда. – Никаких комментариев.

Семейные телохранители словно появились из воздуха. Вежливо оттеснив репортеров, они провели все семейство в небольшой автобус с затемненными стеклами, а сами погрузились в длинный черный автомобиль.

Полчаса спустя машины проехали сквозь ворота массивного двухэтажного особняка в одном из элитных пригородов. Ворота закрылись. Леон Макрицкий наконец попал домой.

– Я так ждала тебя, – тихо произнесла Ирма.

Леон обернулся. Девушка стояла у двери его комнаты, крохотная, покорно ждущая его ласки – тонкое лицо с немного удивленными голубыми глазами, пушистая волна черных волос ниспадала на узкие вздернутые плечи. Леон швырнул саблю на диван, и та недоуменно звякнула кольца-

ми цепочки; что-то давило ему на грудь. Он опустил глаза.

– Неужели тебе нечего сказать мне?

Он и в самом деле не знал, что ей сказать. А может быть и знал, но... Сколько раз он проклинал свою слабость! Ирма, женщина-ребенок. Боль моя, почему же ты не хочешь ничего понимать?

Он подошел к ней, прижал к себе. Знакомый теплый запах на мгновение вернул его в прошлое. Леон сжал хрупкое тело девушки, ощущая, как мягко, играя, подгибаются ее ребра... отпустил. Она смотрела на него со слезами.

– Я прошу тебя, – почти шепотом проговорил Леон, – давай не будем говорить об отставке. Я слишком много думал об этом... Не надо, пожалуйста.

Ирма выскользнула из его рук, уселась на диван. Совсем как птичка, подумал Леон. Любопытная голубоглазая птичка.

Ночью, отвратительно трезвый – Боже, как такое могло быть: высосать литр крымского коньяку и остаться трезвым, ужасающе трезвым! – он глядел, как в бледном отсвете полной луны светится ее совсем девичье тело, вытянувшееся на смятой простыне. Спящая, она всегда будила в нем отцовские чувства. Хотелось прижать к себе и баюкать, слушая, как счастливо сопит ласковый теплый ребенок. Она могла бы стать прекрасной женой, но не ему. Возможно, и даже наверняка – тому Леону, которого хотели видеть отец и дед. Но Леон не был тем... тем... тем!

Он встал с постели, вышел на закрытый покатым колпаком балкон и закурил. В тот миг, когда над ним склонился человек в черном скафандре, в подсознании Леона сорвалась какая-то, давно придерживаемая защелка. Он стал испытывать странные, трудно передаваемые желания. Он не мог понять, что с ним происходит, он не понимал, чего ему хочется. Он чувствовал, что желание выворачивает его наизнанку, но никак не мог разобраться в самом себе.

Теперь он понял – его тянуло к звездам. О какой отставке могла идти речь?

Дым вялыми локонами поднимался к стеклянному потолку.

Мне нет здесь места, подумал Леон. Только там, в глубинах Системы, среди проклипаемого всеми нами металла и пластика наших утлых кораблей и станций, только там я могу чувствовать себя на своем месте. И, может быть, мне удастся дожить до того дня, когда и у нас появятся звездолеты. Пусть примитивные, пусть субсветовые – полет займет годы – но, может быть, я это еще увижу...

Парочка звезд лукаво подмигнула ему. Леон с яростью растоптал окурки в массивной серебряной пепельнице и вернулся в спальню. Глотнул давно остывшего кофе, прополоскал после курева рот и улегся рядом с горячим телом Ирмы. Спать ему по-прежнему не хотелось. Он повернулся набок, заботливо прикрыл девушку пушистым одеялом и сунул нос под ее тонкое плечо. Теплый, ласковый запах немного успо-

коил его. Проклиная все на свете, Леон вдруг всхлипнул; девушка зашевелилась в полусне, он обхватил ее рукой и заставил себя провалиться в темную, тягучую дрему.

Глава 5.

Ночь была короче дня.

В половине десятого утра Леон вошел в кабинет генерал-полковника Пинкаса, начальника штаба военно-космических сил Украины. На его лице не было ни усталости, ни разочарования – он выглядел, как человек, до конца исполнивший свой долг и вполне довольный собой. Пинкас смотрел на него с отеческой благосклонностью.

– К Рождеству следует ожидать чинопроизводства, – произнес он вместо приветствия.

Леон кротко склонил голову. Пинкас выбрался из-за необъятного письменного стола, зачем-то посмотрел за окно – толстые стекла глушили шум бурлящей внизу Владимирской – и присел на подоконник. Генерал был сух, как и большинство астронавтов, проведенные в космосе десятилетия превратили его лицо в некое подобие желтоватой маски, на которой живыми были лишь глаза, черные и чуть навывкате; иногда смотреть в них было жутковато.

– Ты можешь рассказать мне, что произошло на самом деле, – негромко проговорил он, не глядя на Леона, – мне?..

– Пан генерал... Дело в том, что я ничего не скрыл от комиссии. Мне попросту нечего было скрывать. Я не знаю, как они интерпретируют мои показания, но поверьте – я был предельно откровенен.

– И тебе не кажется странным поведение полковника Стэнфорда?

Леона вновь кольнуло – уже в который раз – но, мельком заглянув под мохнатые брови Пинкаса, он вдруг понял, что тот имел в виду.

– Нет, – уверенно ответил он. – Никакой «дури», никакой дряни... Психоз – может быть, но учтите еще вот что: Стэнфорд – «лунник», он понятия не имел о специфике дальних, долгосрочных рейдов. Там все сходят с ума, вы знаете это гораздо лучше меня...

Генерал коротко кивнул и слез с подоконника.

– Садись, – предложил он, неторопливо обмеряя шагами свой огромный кабинет. – Сейчас тебя уже ни в чем не обвиняют, но понимаешь, тут, кажется, началась какая-то политика. Не стану тебя пугать: на Земле тебя никто не оставит. Вот только, боюсь, что на сей раз могут запереть так далеко, что не приведи Боже...

– Спутники Нептуна? – спросил Леон. – Я не против.

Пинкас поглядел на него с откровенным скептицизмом. Ему было не совсем понятно, как молодой и весьма обеспеченный офицер может радоваться назначению на дичайшие, только осваиваемые луны Нептуна, где запросто можно было сложить голову. Генерал вернулся за стол.

– Давай сделаем вот что, – задумчиво пожевал он губами и придвинул к себе клавиатуру рабочего терминала, – сейчас я отправлю тебя в трехмесячный отпуск за два года...

ты только не забудь приехать к концу декабря, получить новые погоны, а потом мы с тобой увидимся и поговорим. И ты четко скажешь мне, чего ты вообще хочешь от этой жизни. А то у нас с тобой какая-то путаница получается.

– Никакой путаницы, пан генерал. Я хочу в Дальний космос. Я опытный астронавт – я выбрался аж из двух аварий... я знаю свое дело.

Пинкас поднял глаза от клавиатуры и глянул на Леона с большим неудовольствием. Явно, явно дед... Они точно пили коньяк из семейных погребов, и Макрицкий-старший слезно жаловался пану генералу, что его единственный внук никак не желает выбросить из непутевой башки свои глупости с этим, будь он неладен, Дальним... Леон опустил голову и скривился, будто проглотил что-то кислое.

– Идите, пан капитан, – сказал Пинкас и проворно выдернул из щели принтера готовое предписание, – и не забудьте забежать в финчасть, вам там много чего причитается. Другой бы завидовал.

– Есть, пан генерал-полковник, – отрапортовал Леон. На самом деле ему было очень смешно.

Отметившись в кассе (на личный счет перекочевало жалование за полтора года плюс премиальные, плюс «дальние» и кое-что еще), Леон вышел на улицу. Ночью потеплело, а вылезшее утром солнышко растопило снег. К полудню тротуары уже были сухими. Леон напялил темные очки и двинулся в сторону Крещатика. Ехать домой ему не слишком

хотелось.

Он прошелся по нескольким барам, выпил немного коньяку и подумал, куда бы завестись. Однако ехать было, в сущности, некуда. Его немногочисленные друзья давно обзавелись семьями, и нарушать их покой без предварительной договоренности было бы бестактно. Разумеется, на Подоле всегда можно было подцепить юную искательницу приключений, но Леон не ощущал желания выслушивать чей-то бестолковый треп. Горько вздохнув, он остановил такси и поехал домой.

Снимая в холле шинель, он ощутил слабый аромат отцовского одеколona.

– Что, батя прилетел? – спросил он у младшей сестры Анны, которая открыла ему дверь.

– Да, – кивнула та, – он сейчас с дедом. Зайди к ним.

«Надо было спуститься на Подол, – подумал Леон, забросив на вешалку фуражку, – а потом или прийти вдрызг пьяным, или не прийти вообще. В конце концов, я имею полное право...»

Очевидно, Макрицкие-старшие обсуждали какие-то дела – войдя в дедовский кабинет, Леон застал отца с кипой распечаток в руках. При виде Леона он бросил бумаги на стол и шагнул навстречу.

– Как ты? – спросил отец, выпустив сына из объятий.

– Нормально, – усмехнулся Леон. – Так, поморочили голову, и все. Наш смертельный дедушка умеет работать с

людьми. Наверное, сенатор Уорд запомнит его надолго.

– Садись... На этот раз тебя пронесло. Это уже второй, парень. Второй раз. Бог, говорят, любит троицу. А потом?

Леон с трудом удержался от того, чтобы не сморщиться. Он расстегнул китель и сел в кресло возле окна. В дедовских усах пряталась лукавая усмешка.

– Потом будет суп с котом, – сказал Леон. – Старая истина.

Отец знал, что переспорить его не удастся. Но упрямства Макрицким было не занимать, и этот разговор возобновлялся всякий раз, когда Леон возвращался на Шарик. Сейчас, как он подозревал, отцовская настойчивость потеплеет еще на пару градусов. Гибель «Галилео» не могла пройти мимо прессы, и он наверняка пережил не самые приятные мгновения своей жизни, узнав, что его единственный сын лишь случайно вырвался из лап Костлявой. В космосе ежегодно гибли десятки людей, то была неизбежная дань, которую человечество платило судьбе за свое стремление вперед. Но люди, погибающие где-то там, за десятки миллионов километров, это одно, а твой собственный сын, имеющий неплохие шансы свернуть себе шею – это уже совсем другое. Особенно, когда в космос его гонит не нужда, а какие-то детские мечты...

– Пап, – умоляюще произнес Леон, – я все решил. Я отгуляю отпуск и отправлюсь на луны Нептуна. Сейчас там очень много работы, им нужны такие люди, как я.

– И сколько ты собираешься там проторчать?

– Может быть, лет пять. Это же очень далеко. Конечно, современные корабли ходят уже довольно быстро, но все-таки это далеко.

– Я не понимаю, как можно провести пять лет на этих твоих лунах... без солнца, без воздуха, в этих железных пещерах. Тебе что, здесь нечем заняться?

– Ты не поймешь, папа. Если б ты хоть раз увидел, как на Ио восходит Юпитер, ты не задавал бы мне таких вопросов. Космос – это шок, и каждый раз по-новому. Человеку, который не был даже на Луне, этого не понять никогда. Ты помнишь, с какими глазами я вернулся с Луны?

Отец, наверное, помнил. Он тяжело вздохнул и погасил в пепельнице сигару.

– Идемте обедать.

Леон удивился, что так легко отделался. С того самого момента, когда немецкий рейдер сел в Мунтауне и над головой повис голубой диск родной планеты, он готовил себя к этому неизбежному и, как он думал, длинному разговору. Однако разговор не состоялся. Может быть, отцу и в самом деле надоело...

– Тебе звонил Антоша, – сказала мать, обнимая его в столовой.

– Мельник? – обрадовался Леон. – Замечательно. Наверное, я начну свое турне именно с Москвы.

– Какое турне? – поинтересовался отец.

Леон уселся за стол, принялся к ароматам свежей ухи

и ощутил, как рот наполняется слюной.

– Мне нужно немного развеяться, пап. После года в железном ящике хочется подышать воздухом.

– Здравая мысль. И где ты хотел бы побывать?

* * *

Огромный рейсовый «Ярослав» приземлился во Внукове в ранних метельных сумерках. К выходу из салона первого класса пристыковали отдельный, прозрачный переходной «хобот», и Леон видел, как мерцают в снежном танце желтые огни аэровокзала.

Последний раз он разговаривал с Антоном Мельником полтора года назад, незадолго до отлета в Штаты, где проходил тренировки экипаж «Галилео». Когда-то Мельник учился в Киеве по программе обмена – некоторая часть киевских кадетов провела два года в России, а он и еще несколько парней и девушек попали в киевскую Академию. Они подружились сразу же, несмотря на значительную разницу в социальном происхождении. Отец Антона умер простым офицером ВВС, но в семье Макрицких было не принято бравировать деньгами и успехом. Макрицкий-Дед тоже начинал почти что с нуля.

Мельник делал карьеру рекордными темпами. Уже через два года после окончания Академии он получил под свое командование патрульный корабль, а вскоре – включился в од-

ну из самых серьезных программ Роскосмоса. Россия была одной из немногих стран, имеющих собственные исследовательские проекты: там умели ценить грамотных парней.

За два года до того, как Леон ушел на погибшем «Галилео», Мельник попал в едва не самую кошмарную катастрофу за всю историю освоения Системы, долго лечился и был раз и навсегда переведен в резерв. Макрицкий догадывался, о каком резерве идет речь.

«А корефан-то твой, Мельник, – сказал как-то раз Пинкас, – знаем мы, чем он занимается...»

Леон не сразу понял, что тот имел в виду. Лишь потом, толкуя с неким не в меру словоохотливым американцем, он услышал, что Россия имеет свою собственную службу «Зеленая Книга». Мельник занимался именно этим странноватым делом.

Узнав о его приглашении, Леон на несколько секунд задумался; ему показалось, что все не так просто, как кажется на самом деле. Потом он отбросил эти мысли, уж слишком не хотелось морочить себе мозги, особенно перед встречей со старым приятелем.

Антон ждал его в зале. Долговязая фигура в новомодной ушастой кепке бросилась ему навстречу, едва Макрицкий прошел через упруго-горячие струи калорифера. Леон опустил на пол свой дорожный кофр и раскрыл объятия.

– Везунчик, – сказал Мельник, – редкий везунчик. Когда мне доложили, что тебе подобрал «Бремен», я сперва не по-

верил своим ушам...

– Ты хочешь сказать, что мне везет на аварии? – осклабился в ответ Леон.

– Может быть, – Антон смахнул с лица улыбку и пихнул его кулаком в бок. – Но я бы на твоём месте поостерегся.

Леон махнул рукой. Уж кто-кто, а Мельник знал, что списать его «на шарик» могут только доктора. До тех пор, пока Макрицкий будет благополучно проходить комиссии, о списании нечего и думать.

Под прозрачным куполом стоянки их ждал большущий «Ермак» с эмблемами Роскосмоса на передних дверцах. Мельник запихнул гостя на заднее сиденье, уселся рядом и тронул за плечо водителя.

– Ты уже дорос до служебной машины? – хмыкнул Леон.

Мельник покачал головой. В неверном свете придорожных фонарей его лицо показалось Макрицкому задумчивым.

– У нас многое меняется, – негромко сказал Антон. – Впрочем, об этом позже. В баню я тебя не зову – знаю, не любишь, – но водочка уже на столе стоит. И шашлычок, разумеется. А?..

«Ермак» привез их на старинную дачу неподалеку от Можайска, принадлежавшую еще дедам Антона. Его отец перестроил и расширил двухэтажный кирпичный дом, а сам Антон добавил к нему летний деревянный павильон и большой гараж. Леон уже бывал здесь, но только летом. Сейчас, когда в свете фар косо летели к земле крупные хлопья снега,

усадыба показала́сь ему́ мрачно́й, словно́ средневеково́й замо́к, тем боле́е, что во все́м до́ме свети́лась ли́шь па́ра око́н на второ́м эта́же.

– Мари́на здесь, – произнес, словно́ угада́в его́ мысли, Ме́льник, – но она́ нам не поме́шает.

Леон пожа́л плеча́ми. Же́ну Анто́на он ви́дел все́го оди́н раз, но сразу́ же пони́ял, что тут Ме́льнику пове́зло по-насто́ящему: ему́ попа́лась на редко́сть споко́йная и рассу́дительная же́нщина.

Услы́шав шумъ въеха́вшего во́ двор авто́моби́ля, Мари́на спусти́лась на пе́рвый эта́ж.

– Шашлы́к бу́дет гото́в че́рез па́ть мину́т, – улыба́ясь, сказа́ла она́. – Здравст́вуйте, Леон... ка́к до́летели?

Ма́крицкий нево́льно прищу́рился от я́ркого све́та насте́нных бра́ в прихо́жей.

– Дя́кую, га́рно, – отве́тил он. – Ва́ш муж, па́ни Мари́на, оче́нь то́чный че́ловек. Ну, а е́сли бы бо́рт опозда́л? Шашлы́к, наве́рное, при́шлось бы разо́гревать за́ново?

Она́ негро́мко рассу́меялась и пове́сила его́ ко́жаный пла́щ на дре́внюю ве́шалку, укра́шенную оле́ньими ро́гами. Мари́на бы́ла по́чти одно́го ро́ста с Анто́ном, и та́кая же, ка́к и он, хрупка́я в ко́сти. Леон по́любовался ве́селыми искорка́ми, танцу́ющими в глуби́не ее́ темных гла́з, и пой́мал се́бя на мысли, что Ме́льник, наве́рное, не та́к уж и стра́дал после́ того́, ка́к ему́ при́шлось рассу́щаться с ко́смосом.

– По́шли в за́лу, – при́глаша́юще дерну́л ше́ей Ме́льник. –

Или ты хочешь переодеться с дороги?

– Переодеться? – Леон смахнул пылинку с рукава своего элегантного серого костюма и пожал плечами: – По-моему, я и так нормально выгляжу. Если я не ошибаюсь, санузел у тебя там?

Пока Марина заканчивала возню с мясом, Мельник выставил на темный стол возле камина рюмки и целую батарею разнокалиберных бутылок. К коллекции водок Леон при-
совокупил бутылку старого «Коктебеля» и высокий штоф «Гетьмана». Антон оглядел стол и не удержался от скрипучего смешка:

– Если мы все это перепробуем, послезавтра я не доеду до управления... ну, давай с мороза...

Леон опрокинул в себя рюмку ледяной водки, занюхал рукавом пиджака и полез в карман за сигаретами.

– Никогда не привыкну к твоей привычке не закусывать после первой. У нас так как-то не принято.

– Знаю, знаю, – Мельник опустился в кресло и протянул руку к брошенной на столик пачке. – Вам бы все салыца, да с лучком. Эх, все-таки люблю я Украину!

Он бесстрашно сунул ладонь в камин, дождался, пока сигарета чуть затлеет, и принялся раскуривать ее, поглядывая на Леона сквозь дым хитрыми смеющимися глазами.

– Наверное, отец опять уговаривал тебя уволиться на шарик?

Макрицкий повертел в пальцах свою рюмку.

– На этот раз он был не таким упорным, как раньше.

– Это правильно...

Мельник не договорил: в зале появилась Марина с подносом, на котором лежало пересыпанное травками мясо. Леон деловито втянул носом восхитительный аромат и привычным движением свернул пробку с «Гетьмана». Мельник подождал, пока жена принесет салаты, поднял рюмку:

– В космосе сейчас интересно... За то, чтобы мы всегда возвращались!

Жмурясь от удовольствия, Леон вдруг подумал, что Антон, и без того не отличавшийся простодушием, сегодня выглядит откровенным хитрецом. Вновь всплыла мысль, посетившая его в аэропорту: возможно, Мельник знает гораздо больше, чем говорит? Может, именно потому он и звонил Макрицким в Киев, намекая на свое желание повидаться с Леоном?..

– Пинкас уже решил, куда тебя отправить?

– Наверное, на луны Нептуна, – пожал плечами Леон. – Там заканчивают новый комплекс – большой орбитал и станцию на Тритоне. Все новое, персонал только набирают. Вот там действительно интересно.

Мельник задумчиво покачал головой. Словно в ответ, в камине громко треснуло какое-то поленце.

– Может быть, может быть... – промычал он, не поднимая глаз. – А тебе еще не предлагали работать на Евроагентство?

– На Евро? – Леон не сразу понял, что Антон имеет в виду.

– Да, на Евро... – Мельник выпрямился в кресле, и внимательно посмотрел на Макрицкого. – Мы, Украина и Евро подписали некий секретный протокол. Я говорю тебе об этом совершенно спокойно, потому что ты так или иначе узнаешь все сам. По-другому и быть не может... Знаешь, что про тебя говорят? Самый опытный среди молодых – вот так, и не иначе. Следовательно, тебя привлекут... не сегодня, так завтра.

– Привлекут – к чему? – спросил Леон, заранее зная, что тот скажет.

Антон помедлил с ответом. Пока он наливал ему водку, Леон старался подавить предательски сдавивший грудь холодок. Он догадывался о том, что рано или поздно будет допущен до высших тайн, но все же не думал, что это произойдет так скоро. Подозрения относительно осведомленности Мельника переросли в уверенность. Они все все знали, эти суки, и теперь они хотят доподлинно выяснить, что же мог видеть несчастный капитан Макрицкий, старший пилот погибшего «Галилео». Знали... но, черт, побери, что?

– Среди нас, простых пилотяг, это называлось «Зеленой Книгой», – негромко усмехнулся Мельник. – Название древнее, легендарное, – когда-то такой проект действительно существовал, но сейчас все это кино выглядит не совсем так, как все думают.

– А думают – как? – осторожно поинтересовался Леон. Мельник поморщился.

– Ты слишком много летаешь... Я сказал бы так: в нашей

службе работают люди, одержимые сомнениями. Причем сомнения стали возникать относительно недавно. После подписания Кодекса мы целые десятилетия свято верили в то, что нам внушали высоколобые умники, общавшиеся с нашими «старшими братиками». Сейчас верить перестали. Нет, большинство-то верит по-прежнему, несмотря на все явные и скрытые несуразицы... а мы сомневаемся.

– Понятно, – принужденно рассмеялся Макрицкий, – ты поварился в Европах и стал ярым антихремберитом. По-моему, сейчас там это очень модно.

Голос Мельника неожиданно стал жестким.

– Не валяй дурака, – произнес он. – Мы взрослые люди, и ты прекрасно понимаешь, что я не могу быть подвержен каким-то модам: европейским, азиатским или что у нас там еще... я занимаюсь серьезными вещами. Если бы я держал тебя за дурика, мы бы сейчас обсуждали погоду в Киеве или девок во Флориде. Давай-ка, рванем по-маленькой...

Леон послушно выпил, засунул в рот кусок мяса и принялся жевать, почти не ощущая вкуса – все его мысли были заняты словами Антона.

Когда-то он даже мечтал об этом! Мечтал стать одним из тех немногих, что негласно контролируют все связи с не слишком приветливыми Старшими, одним из тех, кто знает гораздо больше, чем самые дотошные репортеры-расследователи: он слышал о существовании «Зеленой Книги» с детства, так как кое-какая информация все же просачивалась

сквози щели в ее истлевшем за столетие переплете. Сейчас, однако, ему было едва ли не страшно. В космосе много и охотно судачили о том, что земные правительства скрывают от своих граждан большую часть правды. Соответственно, эта скрытая правда несла на себе определенный налет ужаса – запретного, а потому сладкого, но все же пугающего, пугающего до дрожи...

– Расслабился? – вдруг спросил Антон. – Ну, теперь давай серьезно. Я очень хотел поговорить с тобой «за жизнь», и не только по указанию начальства. За нашу с тобой жизнь, ты меня понимаешь? Ты знаешь, кто меня убил?

– К-как?!

– Вот так, вот так... я выжил благодаря чистой случайности. Мы наткнулись на зонд! Причем этот зонд принадлежал не Старшим. По крайней мере, эксперты сказали, что никогда не видели подобной конструкции. Ты знаешь, что в большинстве случаев мы уже хорошо представляем себе, как работает их машинерия? Да, вне зависимости от расы... а тут – хрен тебе собачий. Абсолютная чертовщина, непонятные физические принципы, и вообще, такой набор, что закачаешься. Мы даже не знаем, зонд это или бомба.

– После этого ты оказался в «Зеленой Книге»?

– Я не раздумывал, Лео. Сразу, как только позвали...

– Моя авария тоже имеет какое-то отношение к этому?

Мельник посмотрел на Леона с нескрываемым удивлением, и тот в очередной раз усомнился в его компетенции от-

носителем загадочной станции и, вероятно – цели полета «Галилео».

– Нет... тебя пока никто не списывает. Насколько я знаю, ты здоров как дуб, аж странно становится. Да суть-то сейчас не в этом, Лео. Я не могу «вербовать» тебя в полном смысле этого слова, потому что мы пока еще служим под разными флагами, и кто бы меня на такое уполномочил?..

– Это предварительный разговор? – коротко усмехнулся Макрицкий.

Мельнику его усмешка показалась оскалом.

– Что-то вроде того. Дело тут в том, что после нашего зонда в Системе стали происходить весьма странные вещи. Первая информация поступила от «Графа Цеппелина». В то время мы уже додумались вводить в состав каждого дальнего экипажа по одному своему человеку для обработки информации.

– Кто «обрабатывал» ее у меня? – перебил его Леон.

– Лейтенант Ковач. Ты удивлен? По-моему, ты должен был хорошо ее знать. Я не в курсе, какие установки давались ей конкретно на этот полет, но точно знаю, что она имела полномочия сместить командира... в случае нежелательной встречи.

Леон медленно провел рукой по взмокшему лбу. Люси, милая моя... и все это время ты морочила мне мозги, притворяясь молоденькой и неопытной девчонкой! Как, интересно, выглядит твой истинный послужной список, а?

Впрочем, о чем это я. Хотела встретиться – вот и встрети-
лась. Наверное, тебе с *ними* весело.

– Что увидел «Цеппелин»? – спросил он безо всякого вы-
ражения.

– Нечто, Лео, нечто. С ним два часа играли в догонял-
ки. Два часа он шел за огромным черным кораблем, кото-
рый то сбрасывал ход, то вдруг разгонялся до субсвета. По-
том, представь себе, переключивал реверс, возвращался на-
зад и ждал, пока бедные гансы приблизятся почти вплот-
ную. «Цеппелин», как ты знаешь, довольно быстроходный
корабль.

Да, Макрицкий видел его в Мунтауне. Патрульный крей-
сер «Граф Цеппелин» был одним из самых крупных кораб-
лей Земли, и строился он – теоретически – для отраже-
ния возможной атаки со стороны Чужих. Триумvirату Стар-
ших, который вступил в официальный, весьма благообраз-
ный контакт с землянами, также официально доверяли, но
могучие корабли все же строили, тем более что никто на са-
мом деле не знал, какой боевой мощью обладают их вроде
бы невооруженные торговые звездолеты.

– И «Цеппелин» не стрелял?

– Если бы ты видел, кого он встретил, ты тоже вряд ли бы
стал стрелять. Лео, мы действительно представляем себе, как
работает техника Старших – по крайней мере, та техника, с
которой мы сталкивались. Здесь же, клянусь тебе, нечто со-
всем другое. После отчета «Цеппелина» люди из Евроагент-

ства проанализировали кое-какую информацию и пришли к выводу, что это, возможно, те самые таинственные артисты, из-за которых, собственно, и появился самый первый международный проект «Зеленая Книга». Да-да, тот самый, стоятидесятилетней давности... Ты, конечно, помнишь, как после официального Большого Контакта ООН на весь мир объявила, что Триумвират Старших не имеет ничего общего со старой проблемой НЛО?

– Если мне не изменяет память, было вообще объявлено, что никакой проблемы НЛО не существует и не существовало. В который раз, Антон – в сто двадцать пятый?

– Шестой, Лео. А может, и седьмой. В Росуэлле разбились вовсе не «зеленые человечки». Вся дальнейшая шумиха с «тарелками», утечками информации и похищениями была тщательно спланированной «дезой». На нее ассигновались такие средства, что она благополучно работала несколько десятилетий, пока интерес широких масс к проблеме не утих сам собой, своим, так сказать, ходом. Не было, конечно, никаких тарелок, никаких «зеленых»... чушь все это.

– А что не чушь, Антон? Из-за чего возник проект, из-за чего тратились, как ты утверждаешь, такие колоссальные деньги?

– Из-за того, что на Земле дважды бились разведывательные катера с почти человеческими экипажами. И оба раза, к сожалению – в куски, насмерть. Это были не совсем люди, кое-какие отличия у нас, конечно, есть, но самое жуткое то,

что мы, похоже, генетически совместимы. Ты представляешь себе, какую опасность они могут для нас представлять?

Мельник умолк, порылся в кармане своего длинного пиджака на теплой подкладке, и положил на столик перед Леоном портативный унипроектор. Это был сибирский «Сокол–М», универсальная широкофокусная модель, способная записывать изображение с огромных дистанций. В магазинах, конечно, такие не продавались.

– Включай, – предложил он.

Леон направил красный глазок аппарата на дальний полутемный угол зала, и коснулся пускового сенсора. На секунду из проектора выстрелил неяркий белый лучик – едва он погас, в темноте засветилась какая-то картинка. По ее плоскости, по размытости красок Леон понял, что Антон переписал для него какую-то старинную запись, сделанную, вероятно, еще на светочувствительную пленку.

– Это какой год? – удивленно спросил Леон.

– Это тот самый первый эпизод, ради которого в конце прошлого века американцы слепили свою знаменитую сказку про то, как патанатомы режут некрасивых лысых кукол... смотри, смотри – сейчас тебе все покажут.

На прямоугольном голографическом экране перед ними возникло изображение жутко изломанного и, похоже, обгоревшего объекта. Глядя на него, Леон мысленно восстанавливал обломки до их прежнего состояния, и у него выходило, что чужая машина, скорее всего, напоминала собой почти

правильный равносторонний треугольник с незначительным утолщением в носовой части. Размеры аппарата не впечатляли – размах его «крыльев» не превышал десятка метров, но все же в нем, даже разрушенном, чувствовалось нечто злое... На заднем плане Макрицкий разглядел металлические стены какого-то ангара и несколько человек в американской военной форме середины двадцатого столетия. Кадр сменился; теперь камера показывала какую-то ярко освещенную лабораторию с множеством допотопных приборов. Новый кадр – и Леон увидел операционный стол, залитый светом бестеневых ламп. На столе лежал крупный мужчина с обильно заросшими волосами грудью и пахом. В его половой принадлежности сомневаться не приходилось, но Леон, как зачарованный, смотрел на лицо мертвеца. Крупный, немного угловатый череп, обрамленный тонзурой курчавых светлых волос, был глубоко рассечен (в момент аварии?), страшный разлом со следами плохо замытой крови доходил почти до бровей, таких же густых и светлых, как и волосы погибшего. Что-то неуловимо привлекало Леона в его лице... он не мог понять, что. Вроде бы такого вот мужика, слегка облысевшего, но еще не старого и явно крепкого, можно было встретить в любом из городов Земли, и все же Макрицкий понимал, что перед ним – не человек!

Картинка мигнула и погасла.

– Дьяволыщина, – сказал потрясенный Леон. – И ты считаешь, что мы с ними совместимы?

– По крайней мере они могут жить на нашей планете и есть нашу пищу. А мы – их. Вруби второй кластер, там есть кое-что поинтереснее.

Леон переключил диск, и с первых же кадров понял, что имеет дело с гораздо более поздним материалом. Как и в первом случае, звук почему-то отсутствовал, но теперь картинка, все такая же плоская, записывалась цифровым аппаратом. Десятые годы, решил Леон, ах ты ж мать моя!.. На бетонных плитах, ярко освещенных невидимыми для зрителя софитами – съемка, вероятно, производилась на открытом воздухе поздним вечером, – стоял, слегка накренься, почти неповрежденный треугольник. Разворочена была только задняя часть машины, плохо видимая из данного ракурса.

– Попадание русской ракеты системы ПРО, – прокомментировал Антон. – Это ерунда... странно тут то, что экипаж погиб до взрыва двигателей.

– Отчего? – хрипло удивился Леон.

– Никто не знает. Двухместная рубка управления просто размазана, как будто там что-то взорвалось изнутри.

– А как же он не разбился?

– Он очень прочный, Лео. Вырубай, там больше ничего нет. Это и так больше, чем тебе следовало бы знать. Разве что... второй треугольник, Лео, это не разведчик. Он сильно отличается от первого.

– То есть это – уже какие-то другие? – выпалил Леон.

– Нет, – рассмеялся Мельник. – Это те же самые. Но вто-

рой – это боевой звездолет малого радиуса действия, ориентированный на достижение сверхсветовых скоростей. В космосе он ходит на нереактивной тяге.

Макрицкий снова впал в задумчивость. Разговоры о нереактивной, или волновой, тяге, он слышал уже давно. Говорили об этом в основном сами астронавты, в среде которых существовало немалое количество легенд о пронизывающих пространство «волновых ветрах», способных, якобы, нести на себе корабль с огромными скоростями. Знакомые Леону инженеры обо всем этом отзывались с усмешкой – их мозги были парализованы двигателями Триумвирата, которые гоняли антивещество со сверхсветовыми скоростями истечения. По сути, Старшие использовали тот же самый реактивный движок, что и земляне, с той лишь разницей, что из его дюз летел поток непостижимого «экзовещества», вырабатываемого громоздкой цепью генераторов антиматерии.

Волновая тяга открывала огромные возможности, и в первую очередь – для маневра в пространстве. Черные треугольники, использующие волновые двигатели, настолько же превосходили по своему уровню звездолеты Старших, насколько те – земную технику.

Мельник, казалось, прочел его мысли.

– Да, – сказал он, подливая Леону водки, – волновая тяга, она самая... правда, как это все работает, мы понять не в состоянии. Если бы удалось захватить живого инженера – тогда, может быть, наши парни и разобрались во всей этой

ерунде.

– И ты хочешь сказать, что они пришли к нам снова?

– Они не появлялись почти восемьдесят лет. И теперь по Системе бродит не маленький скаут-треугольник, а махина размером с пол-Москвы.

Некоторое время они молчали. Леон смотрел в огонь и думал о том, что Мельник, в сущности, не сказал ему ничего нового. Все это он знал и до него, более того – он видел их собственными глазами.

Сейчас он готов был поклясться, что тот, кто протянул ему, умирающему, свою сильную ладонь в черной чешуйчатой перчатке, пришел сюда не со злом.

– И ты, стало быть, считаешь, что я также буду привлечен к проекту? – несколько невпопад поинтересовался Макрицкий.

– Я это просто знаю, – с улыбкой ответил Мельник. – А что, ты против?

– Нет... Нет, я не против... я так, думаю. Я думаю о том, какую информацию мне придется обрабатывать на станции...

– Все вполне логично, Лео: ты будешь военным представителем ООН, и никто не удивится, если ты начнешь совать свой нос в какие-либо странности. Тем более что право секретить любые данные тебе будет дано даже не нашей конторой, а непосредственно Ассамблеей. Но на самом деле, твое привлечение к проекту никак не связано с грядущим назна-

чением – не думай, что мы стремимся использовать тебя в силу удачно подвернувшихся обстоятельств. Если тебя направят на лунные рейсы, мы найдем, кого засунуть туда... нет-нет, нам нужен именно ты. Не думай, что на свете так уж много молодых астронавтов с твоим опытом и мозгами.

– Спасибо, – рассеянно произнес Леон. – Наверное, мне придется пройти какую-то особую подготовку?

– Это все потом... Насколько я понял, ты собираешься отгулять свой отпуск?

– Да, я хотел подышать воздухом.

– Вот и дыши. – Мельник чокнулся с ним и мечтательно усмехнулся: – Мне б твои возможности... в дыхании.

Глава 6.

В дверь номера вкрадчиво позвонили. Леон медленно, словно в полусне, отошел от окна, в стеклах которого отражались желтоватые шары старинных фонарей, и двинулся в холл.

– Да! – громко сказал он.

В дверях возникла симпатичная мордашка горничной – это был очень дорогой отель, способный на содержание живой прислуги, – и Леон, глядя на ее юную улыбку, заулыбался в ответ.

– К вам прибыл месье из прессы, – пропищала девушка, – он прислал вам визитку, вот...

Леон взял с подноса запечатанную в непрозрачный пластик карточку, резким движением разорвал конвертик и хмыкнул:

– Просите.

Как и следовало ожидать, Юбер Форен прятался у девчонки за спиной. Едва громоздкая фигура в длинном светлом пальто ввалилась в холл номера, Леону показалось, что кто-то зажег дополнительное освещение. Возможно, виной тому были густо-синие глаза репортера, а может быть, его невероятно рыжая борода... выпутываясь из медвежьих объятий своего друга, Леон махнул горничной, и та, смеясь, поспешно ретировалась.

– Я хотел достать тебя в Штатах, но потом понял, что меня к тебе не подпустят, – захохотал Форен, устраиваясь в кресле, – а позавчера купил ваши «Ведомости» и – на, пожалуй-ста, – о тебе пишут, ты в Париже, а я – ни сном, ни духом!..

С Юбером Леон познакомился после той давней истории с погибшим французским планетолетом. Форен никогда не работал на какое-либо конкретное издание, предпочитая оставаться «свободным художником», и тогда им повезло обоим: Юбер стал знаменит сам и сделал знаменитым Леона, чье интервью обошло всю Европу.

– Я надеюсь, – засопел журналист, глядя на молчаливую улыбку Макрицкого, – до тебя еще не добрались ваши киевские прощелыги?

– Не переживай, – заговорил наконец Леон, – эксклюзив по-прежнему за тобой.

– Тогда, – еще сильнее расцвел Форен, – с меня ужин!

– Да уж, – хохотнул Леон, – я славный клиент: со мной не нужно делиться гонораром. Как ты, старина, рассказывай? Я смотрю, что за эти два года ты совершенно не изменился.

Полчаса спустя такси привезло их в незнакомый Леону узенький переулок Монмартра и остановилось возле дверей небольшого ресторана. Выбравшись из машины, Макрицкий с любопытством уставился на готический фасад древнего здания в четыре этажа – видимо, наверху располагался крохотный отельчик для любителей парижского шарма.

– Никогда здесь не был, – признался он Форену, – случись

заблудиться – сам не выберусь.

– Тут здорово, – пробасил в ответ репортер, – куда лучше, чем на набережных... Настоящая кухня и настоящие вина.

Небольшой зал встретил их желтым светом допотопных электрических бра и уютным теплом от пылавшего в углу камина. Едва войдя, Леон понял, что финансовое положение Форена изменилось в лучшую сторону: поужинать тут мог только человек, обладавший определенным общественным и финансовым весом.

– Тебя здесь знают, – произнес он утвердительно.

– Уи, – ответил Юбер, довольно потирая руки, – это старое кафе старых журналистов. Еще двести лет назад здесь заседали парижские волки пера. Если б ты знал, сколько политических карьер рухнуло именно в этих стенах!..

Леон саркастически усмехнулся. Форен, много раз говорил он себе, был несомненно отмечен «туманной печатью гения». Как и многие глубоко талантливые люди, Юбер горел своим делом и имел склонность к преувеличению его веса. Зачастую Макрицкому казалось что такая, откровенно фанатичная преданность и убежденность в своей правоте могут быть лучше, нежели его собственное отношение к работе – при всей его сложности и глубине, иногда все же циничное.

– Я дважды был в Мунтауне, – начал рассказывать Форен, когда им принесли вино, – и, наконец, побывал на Марсе. Целых пятеро суток, представляешь? Мой репортаж прошел по всем евросетям, добрался до вас и даже до Штатов.

– Это заметно, – улыбнулся Леон. – Наверное, теперь ты «идешь на разрыв»?

– Что-то вроде. Собираюсь на Венеру. Сейчас на рудниках происходит масса интересного, ты наверное, слышал... Но что, в конце концов случилось у вас в астероидах? Я видел все официальные отчеты, но так ни черта в них и не понял. Может, ты расскажешь мне... не для интервью?

Леон медленно смежил веки. За стойкой заведения тихонько играла музыка – какой-то старинный джаз. Невольно вслушиваясь в скачущие свингом синкопы, Макрицкий вспомнил лицо Люси Ковач, ее широко раскрытые глаза за толстым забралом шлема, когда они умирали на разрушенной станции. В его голове вихрем пронеслись те короткие секунды, что предшествовали столкновению, и он негромко вздохнул. Старая подружка Смерть глянула в его сторону, недовольно скривилась и пошла себе дальше.

– Там такая помойка, – сказал он Форену, – что в нашей аварии, в сущности, нет ничего удивительного. Ни в одной логии ты не найдешь действительно полной картины Пояса. Я сижу и думаю: а мог ли я увернуться? Или, точнее, а был ли у меня шанс? Все те, кто уходил с Земли на «Галилео», знали, что могут и не вернуться. Не слишком опытный командир, не слишком тщательная подготовка рейда... Знаешь, многие недооценивают опасность, поджидающую человека в Поясе.

– Я думаю писать об этом, – кивнул Юбер.

– Только, пожалуйста, без меня, – погрозил пальцем Леон. – Я должен быть лоялен.

– Разумеется, разумеется. Вот только... – Репортер глотнул вина и посмотрел куда-то в сторону, – вот только твой командир, Стэнфорд... его ведь хорошо знали на Луне, не так ли?

– Ну, я думаю... он ведь всю жизнь вокруг нее болтался. А к чему ты это?

Форен ответил не сразу. Леон смотрел на его громадные, поросшие жестким черным волосом ладони – сейчас они неподвижно и расслабленно лежали на столе – и ощущал, как в нем снова поднимается настороженность. Что еще? Куда ж я, в конце концов, впутался? Форен работает с космической темой не первый год, об освоении Системы он знает, кажется, больше иного эксперта, и что он сумел раскопать на этот раз?

– В Мунтауне я познакомился с одним американцем, – сказал репортер, – страннейший человек, на Земле не был лет сорок. Почему, спросишь? А-а... Когда мы с ним натрескались виски, он принялся рассказывать такие истории, что я не знал, что делать – то ли смеяться, то ли бежать от него подальше. Он говорил про какие-то заброшенные комплексы на Венере и о том, что в НАСА существует комиссия, расследующая некоторые странные эпизоды, имевшие якобы место во время Бума, ну, еще до кризиса, понимаешь? Он утверждал, что в тридцатые-сороковые годы экспедиций было го-

раздо больше, чем мы знаем, и что почти все они погибли по каким-то неизвестным причинам. Скорее всего, потому, что люди летели, не очень-то заботясь о безопасности, и многие не возвращались, навсегда оставаясь между Марсом и Джу-пом.

– Ну, – ответил Леон, старательно пряча напряжение в голосе, – эти бредни меня не удивляют. Я сам неоднократно слышал сказки о мертвых старых планетолетах, где-то кем-то когда-то виденных. Даже, якобы, на орбите Урана. Но комиссия НАСА? Да они там из-за каждого цента давятся! Кто бы ее стал финансировать, эту твою комиссию?

Форен задумчиво покачал головой.

– Понимаешь, он сказал, что комиссия существует уже довольно давно, по крайней мере – с середины семидесятых. И что сейчас ее, якобы, возглавил Стэнфорд. Но это еще не все, дружище. Самое славное, так это то, что большинство из этих секретных исследовательских кораблей погибли благодаря Старшим. Триумвират жестко регламентирует все работы, направленные на дальнейшее освоение Системы.

– Триумвират? – фыркнул Леон. – Да чушь! Они прилетают к нам раз в пару лет, а то и реже...

– Может быть, может быть... Но ты знаешь, после той пьянки я принялся анализировать кое-какие факты, и у меня стала вырисовываться очень странная картинка. Ты никогда не задумывался о том, что уже к восьмидесятым годам разработка лун Джу-па могла принести огромные доходы? Да, я все

понимаю, мировая экономика находится не в лучшем состоянии, лишних денег нет ни у кого, но тут-то прибыль вполне очевидная! А Нептун? Себестоимость перевозок вполне позволяет развернуть самый широкий фронт работ. Прибыль, опять-таки, видна невооруженным взглядом. Ну хорошо, я понимаю, почему об этом не хотят думать в Штатах. Пожизненный кризис социального обеспечения малоимущих слоев, дело, конечно, нешуточное... ну, а мы с вами? Что, у России нет средств на такие проекты?

– Ну... попробуй, для примера, вспомнить ситуацию пятидесятилетней давности. На Луну слетали, а дальше? И целых тридцать лет – бесконечные споры о том, а стоит ли вообще тратить деньги на космос? По-моему, параллели вполне ощутимые.

– О-оо, не надо! – Форен шутливо воздел над головой сжатые кулаки. – Кому ты это рассказываешь? Мне? Тогда все было совсем иначе. Технологии, способные обеспечить рентабельность космоса, не просматривались даже в отдаленной перспективе. Это потом уже появился холодный термояд Холла, потом уже был прорыв в полимерной химии, а тогда-то все было вполне ясно и понятно: инвестиции, к примеру, в автомобильную промышленность, выглядели делом куда более надежным, чем какие-то там космические исследования. Сейчас все совсем иначе... – Юбер вернулся к прежней задумчивости и вдруг пробурчал, опять глядя куда-то вбок: – Нас кто-то тормозит, Леон. Но кто и как – этого

мы, скорее всего, не узнаем.

Это все Кодекс, мрачно подумал Леон. Когда я улетаю, недоверие к Старшим было в Европе модным поветрием, а теперь оно превратилось в массовую паранойю. Этот ветер вырвался из аудиторий старинных европейских университетов и мгновенно разнесся по всему континенту, породив множество дискуссий – по большей части, совершенно пустых и бесплодных, ибо о реальной обстановке в окружающем нас мире мы знаем очень и очень мало. Кодекс принесен нам Триумvirатом; но, как оказывается, на свете существуют и другие силы: возможно даже, гораздо более древние и могущественные. Что такое Кодекс для них?

Подсознательно, практически не отдавая себе в этом отчета, Леон был уверен в том, что чужаки, пришедшие сюда на черных звездолетах, не могут быть враждебны своим братьям с молодой Земли.

Он помнил, он не мог забыть сильную ладонь, появившуюся из золотого сияния...

– Если я что-то узнаю, – произнес Леон, хитро улыбаясь, – я тут же дам знать тебе.

– Заметано! Надеюсь, ты сможешь завтра подойти ко мне в студию? Нам нужно нормальное, большое интервью. Вопросы я тебе набросал, вот...

Леон покидал Париж с двойственным чувством.

С одной стороны, он хотел задержаться во Франции на больший срок – его очень тянуло побродить по старинным городкам, насладиться суровой красотой замков и соборов, но, в то же время, его тяготила необходимость постоянно врать Юберу, который ходил за ним по пятам, словно чуя, что Леон знает ответ на его вопросы. Врать, юлить, уходить от них или резко менять тему разговора.

Леон знал ответ.

Собственно, он сложился в его голове в ту минуту, когда дотошный репортер заговорил о своей встрече со странноватым обитателем Мунтауна, сорок лет не ступавшим по Земле. Старый астронавт знал некую истину – если не целиком, то, по крайней мере, весьма значительную ее часть. Это шокировало.

Да все они все знали, сказал себе Леон, когда «Боинг» пошел на посадку в Риме. И уж Стэн, сука, он-то точно все знал. И все те склизкие типы, которые мучили меня после комиссии. Они одного не знают – видел я или нет?

И, если я хочу остаться при своих, они этого не узнают. А вот, Антоха-то, Мельник, он, наверное, не в курсе. И вся его «Зеленая Книга» – тоже, потому что сейчас у них совсем другая проблематика. А, биса йому в душу...

Перед Леоном вставал новый вопрос: как вести себя при «официальной» вербовке в секретный проект? В том, что эта вербовка состоится практически сразу же после его возвращения в Киев, он нисколько не сомневался. Им нужно будет какое-то время до моего вылета, говорил он себе. Скорее всего, время довольно значительное. И, раз уж они там все для себя решили – а речи Мельника тому прямое подтверждение, – все это кино начнется очень скоро. Что делать, молчать и перед ними?

Леона пугало только одно обстоятельство. Одно, но стоило оно всех остальных. Если он, скромный капитан Леон Макрицкий, станет тем человеком, который соединит воедино две цепочки весьма странных событий, «при своих» ему не остаться. С гарантией.

Колеса лайнера почти неощутимо коснулись полосы аэродрома. Пускай они сами соединяют, решил Леон и отстегнул ремни. Его лицо было столь саркастичным, что соседка, сидевшая в кресле под иллюминатором, не удержалась от удивленной гримаски. Леон подмигнул ей и впервые за все время полета посмотрел, что там делается снаружи.

В Риме было солнечно, и это обстоятельство немного подняло его настроение.

– Фори Империали, – сказал Леон таксисту, кряжистому седому дядьке в мокро блестящей пластиковой куртке.

Кар потолкался в толчее машин на развязке аэропорта и вскоре уже мчался в сторону Старого Города. Леон, как пра-

вило, всегда останавливался в одном и том же месте – в Риме он предпочитал район, в котором перемешались строения эпохи Муссолини и респектабельные здания более ранних времен. Современные отели, выросшие после Депрессии вокруг старого центра, были и комфортабельнее, и дешевле, но Леон всегда предпочитал им дух старинных стен и мостовых, самая плоть которых была пропитана древностью, а уж сейчас, после года, проведенного в заточении среди металла и пластика, ему и думать не хотелось о возвращении в сталь и стекло.

Высадив клиента у скромного на вид шестиэтажного здания в полутемном закоулке, таксист развернулся и исчез в потоке машин. Леон не спешил входить в холл отеля. Посасывая сигарету, он лениво скользил взглядом по фасаду пятидесятилетнего строения, отмечая облупленную местами штукатурку и не слишком чистые окна ресторанчика на первом этаже.

Этот переулок ему нравился. Здесь не было остервенелого движения площадей и проспектов, под ногами безмятежно лежала сухая зимняя пыль, солнце отражалось в широких окнах верхних этажей. К тому же, Леон еще ни разу не бывал в этом отеле – а значит, можно было не очень опасаться назойливого внимания со стороны прессы.

Разглядев его, из дверей выбрался швейцар.

– Синьору угодно остановиться у нас? – любезно поинтересовался он и зевнул.

– Да, – кивнул Леон, протягивая ему свой дорожный кофр. – У вас есть хороший номер на верхнем этаже?

– Конечно, конечно, – засуетился швейцар. – У нас есть отличные номера, все самое лучшее, гораздо лучше, чем в этих новомодных коробках вдоль побережья. У нас даже есть живая прислуга...

– Я не сомневался, – величественно отозвался Леон.

Он зарегистрировался под вымышленной немецкой фамилией, поднялся в поскрипывающем старинном лифте на самый верх и, едва войдя в номер, понял, что не ошибся в своем выборе. Собственно, он даже и не думал, что ему так повезет: интерьер трехкомнатных апартаментов выглядел так, словно его не меняли с пятидесятих годов двадцатого столетия. Разумеется, почти вся мебель была искусно выполненной стилизацией, но Леон был рад и этому – исключение из общего правила составлял лишь современный проектор-коммутатор в углу гостиной.

– Вам нравится? – спросил сопровождавший Леона паренек-менеджер.

В его голосе прозвучала ревнивая гордость. Макрицкий подошел к окну, отдернул штору и несколько мгновений всматривался в серое здание напротив – скорее всего, многоквартирный дом для респектабельных буржуа.

– Это лучше, чем я мог рассчитывать, – улыбнулся Леон, оборачиваясь. – Думаю, что смогу порекомендовать ваше заведение своим друзьям...

После душа он заказал в номер бутылку вина и сыры, вернулся в плотный гостиничный халат и включил проектор. Чуть кисловатый «сухарь» оказался ожидаемо превосходным; млея в кресле, Леон щелкал бесчисленными каналами Евросети и прикидывал, какие достопримечательности посмотреть и где поужинать.

– ...доктор Артур Чизвик, профессор ряда европейских университетов, провел вчера дискуссию в Римском Гуманитарном Клубе, чем, как всегда, вызвал немалое оживление среди научной общественности Вечного Города...

Леон встрепнулся, но поздно – миловидная дикторша уже плела ахинею о каком-то форуме любительских театров Южной Европы. Макрицкий досадливо поморщился, вырубил проектор и пару минут задумчиво потягивал вино, замерев в кресле. Затем он поднялся, достал из кармана пальто свой индивидуальный коннектер и принялся рыться в его памяти.

– Сэр Артур? – почтительно произнес он. – Рад вас слышать... это Макрицкий, астронавт из Киева, вы меня еще не забыли?

– О, Леонид! – в ухо ему ударил журчащий басок, – Почему же я должен вас забыть?.. Как ваше здоровье, юноша?.. надеюсь, ваша ужасная авария не выбила вас из колеи?

Три часа спустя Леон сидел перед огромным затемненным окном дорогого ресторана на побережье, и смотрел, как к недалекому причалу подходит зализанный, полупрозрачный

катер с туристами. Вечный Город давно дорос до моря. В Штатах рождественские каникулы начинались с первых чисел декабря, и в Рим уже ударила волна туристов – возбужденных, увешанных видеотехникой и традиционно жующих. По обилию темнокожих лиц Леон сразу понял, что на катере в основном американцы. Его передернуло, и тут он в очередной раз подумал о том, что по крайней мере здесь, в золоченой пятизвездочной «Виченце», ему не придется терпеть соседство чавкающих люмпенов.

К его изумлению, среди туристов оказался и Чизвик. Леон сразу узнал его невысокую коренастую фигуру в распахнутом, коротеньком пальто, уверенно поднимающуюся по лестнице к ресторану.

– Мне нравится ваш выбор, мой мальчик, – сообщил профессор, сбрасывая пальто на руки подбежавшему гардеробщику, – впрочем, вы можете себе это позволить, не так ли? Х-ха-ха... ну, что у нас тут с картой вин? Не поверите, но Италию я люблю даже больше, чем Францию – и все из-за вин, юноша. Вы, конечно, в этом ни черта не соображаете, но поверьте мне, пройдет время...

– Вы, кажется, бывали в Крыму? – с улыбкой поинтересовался Леон.

– Что? – изумился Чизвик, отрываясь от красной кожаной папки; широколицый, с огромными, обведенными кругами глазами, он всегда напоминал Леону сову, – Ах, в Крыму... конечно же, вы разве забыли? Там была конференция... ах,

вы, верно, о винах? Да-да-да, вина у вас там замечательные.

Загрузив официанта, Чизвик извлек из кармана пиджака длинную сигару и заговорил, вернее, залопотал, в свойственной ему странновато-поспешной манере, не слишком-то интересуясь вниманием и реакцией собеседника:

– Честно признаться, я порядком устал от Европы. Порой у меня складывается такое ощущение, что я тяну в гору какой-то неподъемный воз, и, вы знаете, самое обидное то, что в возу этом лежит некий совершенно никому не нужный груз: что-то вроде мусора, да-да-да!.. Особенно ярким это ощущение стало в последние годы. Я только и делаю, что мотаюсь по научным городкам и всяким дискуссионным клубам, а меня, подумайте, разве что не закидывают гнилыми помидорами. Антихрембериты превратились в гангрену, да, иначе и не скажешь, это настоящая гангрена, поразившая мыслящую часть европейской элиты. И, что самое для нас с вами печальное, авангардом здесь выступает молодежь – подумайте Леонид, это те, кому строить Европу!.. Нашу с вами Европу, Леонид: разве вам не страшно?

Макрицкий покачал головой. Чизвик давно уже стал заметной шишкой в ООНовской Комиссии по Контакту. Его основным полем деятельности была «популяризация» идей, заложенных в Кодексе, этим делом он занимался лет этак двадцать. Раньше все шло нормально – эйфория, вызванная «приобщением» к галактическому сообществу, продолжалась на Земле несколько десятилетий. Позже (в те време-

на, когда Леон начал учебу в Академии) стали раздаваться осторожные голоса прозревших скептиков: а что, собственно, нам известно об этом самом «сообществе»? Для Чизвика и таких как он, начались первые трудности, – тогда, впрочем, еще относительно легко преодолимые. А вот затем...

Доктор Артур верил своим надменным друзьям с далеких звезд, как богам. Иногда Леону казалось, что и *в них* он верит, как в богов. На свете всегда существует немалое количество людей, легко заражающихся вирусом слепого, младенческого идеализма; Чизвик был одним из них.

– Я думаю, что дело не так уж плохо, доктор, – осторожно заметил Леон. – Просто сейчас Европа вступила в новый э-э... в период новых бунтов. Молодым нужно выпустить пар, вот и все. Вам не кажется?

– Что? Бунты? Вы в своем уме, юноша? Бунты, пф-ф! Только бунтов нам сейчас и не хватало! Через полгода нам предстоит обсуждение договоренностей о разработке Солнечной системы, а вы говорите мне о каких-то там бунтах. Что, интересно, подумают об этом наши друзья?

Слово «друзья» Чизвик произнес с придыханием, так говорят о безнадежно утерянных возлюбленных... Леон поскреб себе шею. Договоренности о разработке, повторил он про себя. Значит, дело выглядит уже так серьезно, а я и не знал! Год назад об этом говорили как о далеком-далеком проекте, но, конечно же, такие, как Чизвик нашли способ ускорить процесс.

– С гангреной нужно бороться, – горячо сообщил Чизвик. – В противном случае она пожрет нас, не так ли?

– Наверное, в последнее время вам стало тяжело работать?

Профессор скорбно покачал головой.

– Не в этом дело, друг мой, нет, не в этом... Мне стыдно, вы понимаете меня? Да-да-да, мне стыдно перед нашими друзьями. Видя все это безобразие, они смотрят на нас как на малых детей. Несомненно, мы и впрямь являемся таковыми, но неужели нельзя вести себя чуточку ответственнее?

– Я давно уже не ощущаю себя ребенком, – хмыкнул Леон.

– А-аа!.. Разве вы не понимаете, о чем я говорю? Разве не нелепы все наши проблемы, если посмотреть на них с точки зрения обычной, не замутненной эмоциями логики? Разве не могли мы решить их еще сто, может быть, даже двести лет назад?

– Человек не в силах руководствоваться одной лишь логикой. Эмоции, при всей их кажущейся разрушительности – это, собственно, то, что отличает нас от машин.

– Старая банальность, юноша! Вы словно цитируете глупцов, которые, к счастью, почили в бозе еще сто лет назад!

– Мне казалось, эта тема бессмертна.

– Вы опасно поэтичны, да-да-да! Астронавту не следует забивать свою голову ерундой. Вы должны смотреть вперед. Вам предоставляется превосходная возможность, вам протягивают руку – пожмите ее, и за работу. Скоро у вас будет

много работы, Леонид, обещаю вам.

– Если не секрет, доктор, – в какой стадии находится сейчас разработка этого нового договора?

– Никаких секретов. Собственно, это тема серии лекций, с которыми я езжу по Европе все последние месяцы. Наши друзья настолько добры, что готовы отдавать нам пятьдесят процентов... Договор, несомненно, будет заключен: это историческое событие.

– Я слышал, что лекции часто превращаются в дискуссию? – не очень любезно перебил Леон.

Чизвик помрачнел.

– Да, – сказал он, пригубив вина, – я же говорю вам: это гангрена. К счастью, они мало что решают... Плохо то, что бредовыми идеями этих, как вы выразились, бунтарей, постепенно заражаются правительства. Правые европейские депутаты постоянно бомбардируют Мировую Ассамблею дурацкими запросами... всякая там легитимность моей Комиссии и такое прочее. Да тут еще и индокитайцы – сразу же, едва только слышали о нашем проекте... Вот если они объединятся с европейскими идиотами, о боже, мне тошно об этом даже думать! Боже мой, какой стыд!.. Я представляю себе, с каким лицом я буду разговаривать с Цаг-Царром, – а ведь именно он должен прибыть для заключения договора, – если эти несчастные договорятся между собой и заблокируют все наши начинания.

– Но Ассамблея должна будет вынести вопрос на плане-

тарный референдум, – нерешительно подсказал Леон.

Чизвик посмотрел на него с сожалением, как на нашкодившего ребенка.

– Большинство, – сказал он, поднимая палец, – всегда, к сожалению, настолько глупо и необразованно, что не в состоянии различить, где право, а где лево. Референдум, пф-ф! Ничего худшего я не могу себе представить. Все эти, – он гневно обвел дланью почти пустой зал ресторана – Леон понял, что доктор имеет в виду европейцев, – сумеют убедить остальных, будто нам навязывают грабеж и все такое прочее. А сами-то мы, что? Полстолетия мы только и делаем, что пытаемся выбраться из кризиса, который сами себе и придумали.

– По-моему, уже давно выбрались, – заметил Леон. – Освоение ближайших пространств идет своим чередом, еще лет сорок-пятьдесят, и мы...

– Да как же вы не понимаете, юноша! – возопил Чизвик. – Протягивая нам руку, они исполняют свой долг, святой долг старшего по отношению к младшим. Когда-нибудь и мы... но сейчас, все что от нас требуется – это принять эту руку с благодарностью... вы понимаете меня?

– Да, – задумчиво ответил Леон.

«Я не очень понимаю, на хрена нам это нужно, но раз уж так, то Чиз, наверное, прав. Забава практически дармовая, так отчего ж ею не воспользоваться? Непонятны, конечно, все эти настроения в Европе, непонятно, кому они выгод-

ны... хотя... человек, более близкий к грунту, мог бы предположить, что антихремберизм раздувается корпорациями, решившими наконец вложить серьезные деньги в разработку Системы. Где-то я такое уже слышал. Вот это нам уже действительно ни к чему – пройдут десятилетия, и все эти «господа президенты» вкупе со своими адвокатами вообразят себя графами и герцогами своих рудников...»

– Все чаще и чаще раздаются вопли о том, что Кодекс, дескать, придуман специально для ограбления молодых планет типа нашей. Некоторые доходят до того, что провозглашают любые нарушения Кодекса, – а ведь это преступления, Леонид! – чем-то вроде героизма. Каждого, кто на такое решится, Европа заранее готова назвать великим освободителем своего народа... да-да-да, здесь, в Риме, мне так и сказали, представляете? Освободителем – от чего? – спросил я. И что же, вы думаете, мне ответили? От ига инопланетных захватчиков... о, ксенофобы!

– Ну, это уже идиотизм, – фыркнул в ответ Леон. – Или им хотелось бы, чтобы мы до скончания века жили в полном одиночестве, отгородясь своей глупостью от всех соседей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.